

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ
ЧАСТЬ СССХІV.

1899.

АВГУСТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „В. С. Балашевъ и К^о“. Наб. Фонтанки, 95.
1899.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	33
Л. Ю. Шепелевичъ. Драматическія произведенія Сервантеса	277
А. А. Спицынъ. Разсѣленіе древне-русскихъ племенъ по археологическимъ даннымъ	301
И. И. Ланно. Подкоморскій судъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка	341
И. Н. Ардашевъ. Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка (<i>продолженіе</i>)	404
Всеv. О. Миллеръ. Въ былинахъ о сорока калякахъ оо калякою	464

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

И. Д. Чулушичъ. Архивъ кн. О. А. Куракина. Книги V, VI, VII, VIII. Саратовъ. 1894—1899	501
И. Е. Каланскій. <i>И. Я. Гурьяндъ. Идея патроната, какъ идея внутренняго управленія.</i> Ярославль. 1898	417
И. В. Ястребовъ. Památník na oslavu padesátiletého jubilea Jeho Veličenstva císaře a krále Františka Josefa I. Vědecký a umělecký rozvoj v národě českém 1848—1899. Vydala Česká akademie cesáře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění. V Praze. 1898	533
В. И. Черетцъ. <i>И. А. Шляжкинъ. Царевна Наталья Алексѣевна и театр ея времени.</i> 1898	538
— Книжныя новости	549
— Наша учебная литература (разборъ 4 книгъ)	13

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

И. М. Гревсъ. Василій Григоріевичъ Васильевскій, какъ учитель науки	27
---	----

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Вич. П. Иванонъ. Первая ипейская ода Пиндара	49
Ф. Э. Видоманчъ. О началѣ греческой письменности	57

О ВЪЯВЛЕНІИ.

Редакторъ Д. Радловъ.

(Вышла 1-го августа).

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ВАСИЛІЙ ГРИГОРІЕВИЧЪ ВАСИЛЬЕВСКІЙ, КАКЪ УЧИТЕЛЬ НАУКИ.

Набросокъ воспоминаній и матеріалы для характеристики.

(Посвящается его бывшимъ слушателямъ и слушательницамъ и студентамъ-филологамъ Петербургскаго университета).

- 1.—Необходимость запомнить профессорскій образъ Василя Григоріевича.
- 2.—Главный центръ его научной работы и основной признакъ его ученой физиономіи.
- 3.—Отличительныя особенности метода его университетскаго преподаванія.
- 4.—Характеръ курсовъ Василя Григоріевича.
- 5.—Отношенія къ студентамъ и ученикамъ. Общія черты умственнаго склада и нравственной личности.

1.

Холоднымъ мартовскимъ вечеромъ нынѣшняго года собралась на варшавскомъ вокзалѣ небольшая группа товарищей, друзей и учениковъ *Василя Григоріевича Васильевскаго*, проводить его за границу. Онъ сѣдѣлъ въ залѣ, весь закутанный, спасаясь отъ проникавшаго въ двери русскаго мороза, который не хотѣлъ еще уступать мѣста теплу,—съ лицомъ, измученнымъ долгими страданіями, но съ веселыми глазами и бодрою душою. Его поддерживала радостная надежда, что итальянское солнце возвратитъ ему здоровье; онъ съ чисто юношескимъ восторгомъ предвкушалъ наслажденіе, которое должна была дать ему своєю природою, своими художественными памятниками, своими научными сокровищами дивная страна, куда давно влекли его

многія собственныя работы и связанныя съ ними интересы. Въ прежніе годы онъ часто самъ посылалъ туда своихъ учениковъ съ добрыми пожеланіями вглядываться и вдумываться въ великую старину, рыться въ архивахъ, „расширять свое міросозерцаніе“, какъ онъ съ шуткою въ тоиѣ, по справедливо говорилъ. Италия, дѣйствительно, не разъ вдохновляла ихъ мысль и направляла трудъ, послѣ того какъ именно ему удавалось впервые пробудить въ нихъ истинную любовь къ наукѣ, внушить имъ опредѣленную задачу исторической работы. Теперь онъ возлагалъ твердыя упованія на ея чудодѣйственныя свойства и для себя: онъ рассчитывалъ, что Италия быстро излѣчитъ его и откроетъ ему еще нѣсколько лѣтъ хорошей старости, счастливой свободнымъ научнымъ трудомъ, къ которому онъ всегда такъ рвался, и отъ котораго постоянно отрывали его не одніе болѣзни, но и многочисленныя лежавшія на немъ служебныя обязанности. Жутко было каждому близкому видѣть такую почти дѣтскую радость и вѣру въ человѣкѣ, очевидно, обреченномъ на скорый конецъ. Почти ясно было, что онъ не вернется; но горечь послѣдняго разставанія примирялась при видѣ того, что желаніе жить не было унижено въ умирающемъ Васи́лїи Григоріевичѣ страхомъ смерти, а одухотворялось потребностью умственной дѣятельности; оно воплощалось не въ мелочной тревожной мысли объ избавленіи отъ опасности, а въ разнообразныхъ планахъ, что онъ будетъ продолжать и заканчивать, а потомъ искать, начинать, писать... Настойчивое, взволнованное стремленіе возвратиться къ прерваннымъ занятіямъ охватывало Васи́лїи Григоріевича эти мѣсяцы всякій разъ, когда нѣсколько ослабѣвала болѣзнь, слишкомъ погода державшая его на краю могилы. И онъ проявлялъ здѣсь не часто встрѣчающуюся силу жизни и энергію дѣла. Онъ тотчасъ же переставалъ смотрѣть на себя, какъ на больного, сердился на заботы окружающихъ, раскрывалъ свои матеріалы, окружалъ себя книгами, брался за перо, какъ бы боясь упустить остающееся время, ловя возможность произнести недосказанныя слова. Онъ не жалѣлъ себя въ такія критическія минуты, когда только самая тщательная осторожность могла спасти и продлить остатокъ дней уже „въ долгъ живущаго“, по выраженію врачей, человѣка. Живая характеристика немногимъ предувидѣвшаго его смертью старшаго сочлена по Академіи А. А. Кунника, съ большимъ искусствомъ воспроизводящая типичную фигуру ученаго оригинала, была написана Васи́лїемъ Григоріевичемъ въ самые послѣдніе дни передъ отъѣздомъ изъ Петербурга. Онъ принимался и за другія работы. Часто можно было

застать его наклоненнымъ надъ письменнымъ столомъ, старающимся не замѣчать болѣе и изнуренія, за дописываніемъ статьи, которую надо было сдать въ журналъ, за составленіемъ отчета о томъ, что сдѣлано въ первые годы его существованія „Византійскимъ Временникомъ“, однимъ изъ послѣднихъ важныхъ его созданій. Непомѣрное напряженіе, можетъ быть, подрывало еще скорѣе лишь временно поднимавшіяся силы. Но эта вѣра въ возможность для него возрожденія и это неумиравшее влеченіе къ научному труду имѣли съ тѣмъ, казалось, помогали ему побѣждать физическія мученія и слагались въ прекрасную картину достойнаго и возвышеннаго угасанія. Только такое нравственное настроеніе, повидимому, дало ему силы предпринять и перенести длинное путешествіе, пойдти навстрѣчу исполненія послѣдняго горячаго желанія увидѣть Римъ передъ смертью во что бы то ни стало. До отъѣзда онъ нѣсколько разъ говорилъ мнѣ: „Приходите почаще; вы опять разкажете мнѣ про Италію; ваша любовь къ ней живить мою душу, дѣлаетъ меня здоровымъ и молодымъ“. Еще съ дороги получилъ я отъ него хорошія, ясныя строки, полныя спокойнаго юмора надъ положеніемъ тяжело больнаго, въ которое его ставила, и довѣрчиваго оптимизма при мысли о будущемъ: „Доѣхалъ до Вѣны благополучившимъ образомъ. Просидѣвъ въ четырехъ стѣнахъ съ унылымъ и скучнымъ видомъ на Загородный проспектъ и сѣренькое низкое небо въ Петербургѣ, я сразу сталъ чувствовать себя лучше на болѣе открытомъ пространствѣ. Уже подъ Вильной я замѣтилъ, что здѣсь и небо имѣетъ другой цвѣтъ, и воздухъ другой. Хотя подъ Варшавой мы опять увидѣли снѣгъ — оказалось, что онъ только что выпалъ,—но это не нарушило моего благосостоянія... По землѣ Чешской ѣхать было радостно; хотя воздухъ былъ свѣжій, но солнце свѣтило ясно, открывались широкія перспективы, окаймленные горами. Кромѣ радости я нечего не чувствовалъ: не было никакихъ болѣе, ни даже усталости. Въ ознаменованіе своего восторга я спросилъ за обѣдомъ шампанскаго и въ посрамленіе всѣхъ докторовъ выпилъ самъ полстакана, и не только остался живъ и здоровъ, но даже болѣе повеселѣлъ...“ — Письмо заканчивалось надеждою на хорошей исходъ путешествія и нетерпѣливо-радостнымъ ожиданіемъ приѣзда въ Римъ. Но быстро настало новое ухудшеніе. Доѣхавъ только до Флоренціи, Василій Григоріевичъ былъ уже не въ состояніи продолжать путь. Болѣзнь вступила въ роковую фазу, и жестокое зло, подточившее организмъ, унесло его изъ жизни. Такъ ему удалось бросить только потухающій взглядъ на темное небо Италіи, только ми-

молетно ощутить живительные лучи ея веселаго солнца, которое уже ярко блистало, начинало согрѣвать и его въ маленькомъ садикѣ на Via Magenta, гдѣ онъ поселился, и куда еще выходилъ подышать воздухомъ, полюбоваться уголкомъ новой южной картины въ хорошіе дни нѣсколько и тамъ запоздавшей весны.

Утромъ 14-го мая распространилась въ Петербургѣ въ кругу близкихъ Василю Григоріевичу людей вѣсть о его кончинѣ, совершившейся наканунѣ. Смерть его—не только истинное горе для знавшихъ и любившихъ его; это глубокая печаль для русской и даже европейской науки; это большая потеря для нашего университетскаго преподаванія и для учебнаго дѣла у насъ вообще. Сужденіе о результатахъ ученой дѣятельности В. Г. Васильевскаго не можетъ быть составлено быстро и высказано немедленно, точно такъ же, какъ нельзя дать сразу объективнаго и полнаго изображенія его духовной личности. Но почтить его память искреннимъ словомъ уваженія и сочувствія необходимо и теперь у недавно закрывшагося гроба. Какъ одинъ изъ старшихъ учениковъ почившаго, находящихся нынѣ въ числѣ университетскихъ преподавателей, я чувствую на себѣ обязанность это сдѣлать. Мнѣ трудно выполнить ее, какъ должно, подъ горькимъ ощущеніемъ свѣжей утраты, и я надѣюсь позже вернуться къ болѣе совершенному осуществленію ея. Обстоятельную оцѣнку основныхъ и специальныхъ научныхъ трудовъ Василя Григоріевича сдѣлать, можно сказать съ увѣренностью, компетентные византилисты. Я же сосредоточусь въ настоящей скорбной замѣткѣ только на своихъ личныхъ воспоминаніяхъ объ умершемъ учителѣ, какъ объ университетскомъ профессорѣ. О немъ можно сказать очень много интереснаго и важнаго, даже ограничиваясь одной этой точкой зрѣнія. Я постараюсь остановиться на самомъ главномъ: можетъ быть, смогу я, хоть отчасти, напомнить его такимъ, какимъ знали его въ этой прекрасной роли мои сверстники, бывшіе его слушателями въ 80-хъ годахъ, и наши болѣе молодые товарищи, петербургскіе филологи 90-хъ годовъ.

За Василю Григоріевичемъ неоспоримо и прочно установилась у насъ и на западѣ заслуженная слава крупнаго ученаго, пролагающаго новыя пути, открывающаго новыя дашныя, формулирующаго новыя истины, постановляющаго основы для изслѣдованія и изображенія темныхъ отдѣловъ и трудныхъ проблемъ всемірной исторіи. Ни въ русской, ни въ иностранной литературѣ не существуетъ до сихъ поръ общаго отзыва о его трудахъ, но его вездѣ знали и вы-

сокоцѣн. ли. Какъ только основанъ былъ въ Мюнхенѣ журналъ „*Byzantinische Zeitschrift*“, редація сочла честию для себя просить Василя Григоріевича вступить въ число его сотрудниковъ и всегда съ неизмѣннымъ уваженіемъ отиѣчала его новыя работы. Онъ обладалъ замѣчательными и рѣдкими дарованіями и какъ преподаватель.

Многое требуется всегда и вездѣ отъ человѣка, чтобы онъ оказался способнымъ достойно выполнять призваніе профессора. Особенно разнообразны такія требованія у насъ, гдѣ наука еще не завоевала въ жизни и сознаніи общества подобающаго ей самостоятельнаго и важнаго мѣста, не приобрѣла надлежащаго всеобщаго признанія и уваженія, гдѣ не дифференцированы еще ея функціи, гдѣ постоянно разрушаются едва заложенные научныя традиціи. У насъ на родинѣ именно особенно настойчиво и громко надобно „учить наукѣ“ еще закрытые для нея умы, привязывать къ ней глухія сердца, подчинять ей упрямья противъ нея воли (и не только среди молодежи, но часто и среди тѣхъ, которые должны воспитывать ее). Но у насъ также область науки особенно беспорядочно и сложно переплетается съ другими сторонами государственной, общественной, нравственной жизни личностей и группъ. Потому то и служитель науки принужденъ вооружаться безконечно многосторонними знаніями и умѣніями.

Чтобы поддерживать кафедру (двигать на ней науку) и владѣть аудиторією (двигать ее наукою), требуется, очевидно, прежде всего основательная и твердая ученость, выдающаяся спеціальная подготовка, которая притомъ не застаивалась бы, а находилась бы въ постоянномъ движеніи впередъ къ усовершенствованію, поддерживаясь неослабѣвающимъ трудовымъ слѣдованіемъ за прогрессомъ науки. Но этого, безъ сомнѣнія, недостаточно. Весьма важно, чтобы спеціальная ученость выростала въ умѣ университетскаго преподавателя на плодородной почвѣ общаго научнаго образованія, организуемаго философскимъ мировоззрѣніемъ. Кромѣ того въ работѣ профессора и на кафедрѣ во время чтенія лекцій, и въ кабинетѣ за составленіемъ курса должны замѣтно выступать и эмоціональные стимулы. Профессоръ не можетъ достигнуть цѣли, то-есть, воспитывать наукою слагающіяся личности своихъ учениковъ, если не проникнется самъ безкорыстною жаждою общей истины, которая свяжетъ его съ объектомъ работы настоящимъ духовнымъ средствомъ, наполнить его постояннымъ одушевленіемъ. Ему нужно также любить и чувствовать юношество, къ которому онъ обращается, чтобы понять его высшіе интересы, слѣдить за ними и симпатизировать имъ. Онъ

призванъ служить этимъ лучшимъ потребностямъ растущихъ поколѣній помощью слова и личнаго общенія и поэтому долженъ обладать нелегкимъ искусствомъ сближать ихъ членовъ съ наукою, зажигать ихъ силою рѣчи, умѣть выбирать, строить, налагать научный матеріалъ такъ, чтобы онъ входилъ въ сознаніе слушателей, возбуждая умъ, волнуя чувство, перерождая душу.—Все это черты не часто рождающіяся въ человѣкѣ, нелегко вырабатывающіяся въ немъ. Приходится еще прибавить, что указанные разнообразныя пути и способы дѣйствія профессора только тогда могутъ привести къ глубокимъ результатамъ, когда они будутъ примѣняться съ энергіей и послѣдовательностью, безъ которыхъ нельзя образовать школы, а школа—это упроченіе его дѣла, залогъ преемства его идеи. Особенности положенія профессора въ нашей жизни выдвигаютъ впередъ необходимость для него и другихъ качествъ, безъ которыхъ ему трудно выполнить все свое назначеніе. Онъ дѣйствуетъ въ рамкахъ большаго общественно-образовательнаго учрежденія, дѣятельность котораго соприкасается съ жизнью значительной части общества, не твердаго еще въ культурныхъ принципахъ и навыкахъ, и которому предназначено играть въ немъ руководительную роль. Чтобы быть готовымъ къ осуществленію ея, каждый представитель университетской корпораціи обязанъ построить себѣ опредѣленный общественный идеалъ и владѣть способностью проводить его постоянно и стойко въ факультетѣ и совѣтѣ, при сношеніяхъ со студентами и тѣми, кто стоитъ выше. Наконецъ, такъ какъ работа профессора протекаетъ въ непрерывномъ общеніи съ живыми людьми и выражается въ разностороннемъ вліяніи на нихъ, онъ можетъ справиться съ предстоящею задачею во всей ея полнотѣ только обладая нравственнымъ характеромъ, который авторитетно дѣйствовалъ бы на сотрудниковъ и начальниковъ, производилъ бы обаяніе на слушателей и учениковъ. Такое сложное соединеніе условій дѣятельности требуетъ отъ профессора наличности очень разнообразныхъ интеллектуально-моральныхъ данныхъ, и только совокупность ихъ дѣлаетъ изъ него истиннаго учителя науки и учителя жизни, общественнаго педагога въ широкомъ смыслѣ, то-есть, ставить его на желанной идеальной высотѣ.

Трудно встрѣтить отдѣльную личность, которая соединяла бы въ себѣ всѣ указанные качества. Почти невозможно одному человѣку достигнуть высокаго и равномѣрнаго развитія таланта и знанія, ума и воображенія, трудовой выдержки и идейнаго энтузіазма, широкой

общественности и высшей честности: отсюда—несовершенства въ образѣ каждаго выдающагося университетскаго дѣятеля. Съ другой стороны всѣ эти свойства, обнаруживаясь и вырабатываясь въ личности, могутъ прибрѣтать неравную силу, воплощаться различно и сочетаться неодинаково: отсюда множественность типовъ хорошаго профессора.

Влестящіе примѣры рѣдкаго могущества и поразительной гармоніи намѣченныхъ элементовъ мы находимъ въ такихъ незабвенныхъ герояхъ нашей университетской исторіи, какъ *Грановскій* и *Кудряцевъ*, о которыхъ недавно вспоминали русское общество и русская литература по случаю состоявшихся ихъ печальныхъ годовщинъ. Тайна красоты ихъ духовныхъ образовъ заключается именно въ полнотѣ и цѣльности, съ которыми у нихъ комбинировались въ живомъ единствѣ превосходныя дарованія богатой природы. Покойный В. Г. Васильевскій читалъ ихъ имена и на лекціяхъ вызывалъ благоговѣніе къ ихъ дѣлу, побуждая при этомъ читать ихъ книги тѣхъ изъ своихъ слушателей, которыхъ не подумали познакомить съ Грановскимъ и его друзьями ихъ гимназическіе учителя. Это уже выясняетъ, какъ высоко онъ понималъ задачу профессора, и какъ желалъ самъ вдохновляться и другихъ привлекать къ лучшимъ примѣрамъ. Воспоминаніе о названныхъ замѣчательныхъ дѣятеляхъ, хотя работа ихъ относится къ еще недавнему прошлому, уже „сіяетъ какъ бы легендарнымъ блескомъ“, по выраженію одного уважаемаго нашего современнаго историка. Послѣ нихъ не появлялись на университетскихъ кафедрахъ (по крайней мѣрѣ, въ кругу историческаго преподаванія) такихъ всесторонне-яркихъ индивидуальностей съ такимъ неотразимымъ вліаніемъ на окружающую среду. Но въ ряду продолжателей этихъ первыхъ учителей всеобщей исторіи у насъ могутъ быть названы ученые, которые въ чисто научной области выѣтъ съ новѣйшимъ прогрессомъ самой науки опередили ихъ своими знаніями и совершенствомъ метода изслѣдованія и преподаванія. Въ дѣлѣ развитія историческаго мышленія въ учащемся юношествѣ, въ дѣлѣ установленія въ университетахъ научныхъ преданій и послѣдніе сдѣлали весьма полезное крупное дѣло и заслужили очень почетное имя. Въ числѣ ихъ справедливо поставить на почетное мѣсто *В. Г. Васильевскаго*.

Въ настоящемъ очеркѣ, посвященномъ характеристикѣ его преподавательской дѣятельности, я не хочу говорить официальное „похвальное слово“ о немъ. Я попытаюсь нарисовать его „правдивое изображеніе“.

И я не буду скрывать того факта, что въ характерѣ его проявлялась нѣкоторая неопредѣленность очертаній и нѣкоторая неполнота красокъ. Это объясняется отчасти дѣйствительно пробѣлами или недостатками натуры; отчасти же это вытекало изъ извѣстныхъ особенностей ея, которыя срѣзывали ея рельефъ и прикрывали содержаніе. Но гораздо болѣе происходило это отъ того, что различные элементы его природы, вслѣдствіе обстоятельствъ и условій, среди которыхъ слагалась его личность и совершалась дѣятельность, не срослись въ стройное единство, оставаясь диспаратными и не всегда поддерживая одинъ другой. Во всякомъ случаѣ нужно сказать, что характеръ Василія Григоріевича благодаря его удивительной скромности и особаго рода замкнутости, которая была ему свойственна, познавался во всей его полнотѣ лишь послѣ долгаго знакомства, преимущественно при интимномъ общеніи, такъ что многіе, встрѣчавшіеся съ нимъ лишь изрѣдка и знавшіе его лишь внѣшнимъ образомъ, часто далеко недостаточно оцѣнивали его и невѣрно судили о немъ. Я не надѣюсь возсоздать полную и живую характеристику исчезнувшаго учителя, хотя близко зналъ его впродолженіе восемнадцати лѣтъ; но буду искать матеріала въ положительныхъ чертахъ, которыя, безъ сомнѣнія, составляли основу его нравственнаго существа. Я выдвину въ немъ то, на чемъ покоится его немалая заслуга, постараюсь показать то, что особенно дорого ученикамъ, и чего лишились, какъ очень важнаго блага, наши будущіе студенты-филологи и магистранты-историки, а также и тѣ изъ бывшихъ питомцевъ Василія Григоріевича, которые, даже ставъ сами преподавателями университетовъ, продолжали пользоваться его совѣтами.

2.

В. Г. Васильевскій смѣло и серьезно можетъ и долженъ быть названъ „хорошимъ профессоромъ“, поражающимъ не блескомъ, но глубиною своихъ дарованій, не разбрасывающимся кругомъ яркимъ пламенемъ страсти и воображенія, а сосредоточеннымъ около него ровнымъ свѣтомъ познающей мысли, сильнымъ именно *научнымъ* воздѣйствіемъ на людей, входившихъ съ нимъ въ послѣдовательное соприкосновеніе.

Получивъ высшее образованіе въ бывшемъ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ и окончивъ его въ Петербургскомъ университетѣ, дополнивъ и усовершенствовавъ свои знанія за границей, пре-

имуущественно въ Германіи, Василій Григоріевичъ съ 1870 г. вступилъ въ составъ профессоровъ исторіи Петербургскаго университета. До самаго послѣдняго года своей жизни онъ велъ здѣсь преподаваніе *средневѣковой исторіи*. Каждый сознательный слушатель, освоившійся съ способомъ чтенія профессора, скоро чувствовалъ, что передъ нимъ находится первоклассная ученая сила, вызывающая почтительное удивленіе и незамѣтно захватывающая въ сферу своего умственного руководства.—Обладая замѣчательнымъ талантомъ историка-ислѣдователя, отличаясь пронизательнымъ умомъ, высокою степенью научнаго остроумія Василій Григоріевичъ былъ великолѣпно вооруженъ самыми лучшими средствами ученой работы. На фонѣ прекраснаго классическаго образованія въ немъ обнаруживалось глубокое знакомство съ вспомогательными историческими дисциплинами, и онъ свободно распоряжался всѣми приемами историческаго метода, какъ въ области анализа критики и интерпретаціи источниковъ, такъ и въ области построенія извлекаемыхъ изъ нихъ данныхъ. Рядомъ съ такою безусловно твердою и рѣдко законченною методологическою подготовкою въ немъ открывалась и по существу положительно огромная эрудиція. Она выражалась въ превосходномъ знакомствѣ съ самыми разнообразными источниками по русской, византійской и западной исторіи и весьма широкой, даже поразительной начитанности въ ученой литературѣ на всѣхъ языкахъ, посвященной изученію и изображенію обширныхъ отдѣловъ исторіи, среди которыхъ вращалась его работа, а также соприкасающихся съ ними многочисленныхъ періодовъ и вопросовъ. Все это создавало въ Василіѣ Григоріевичѣ незыблемую основу выдающагося ученаго изслѣдователя и критика. Громадныя свѣдѣнія, самостоятельно переработанныя и претворенныя въ общія идеи, сообщала ему также многія черты, необходимыя для историка-мыслителя, истолкователя прошлыхъ судебъ человѣчества.

Какъ извѣстно, специальною сферою ученыхъ занятій Василія Григоріевича была *исторія Византіи*. Разнообразныя сочиненія его въ этой трудной и важной области—лучшее свидѣтельство высоты его таланта и совершенства его научнаго мастерства. Онъ является въ нихъ передъ нами полнымъ господиномъ предмета, когда издаетъ какой-нибудь памятникъ или критически воспроизводитъ его генеалогію и біографію, и когда рисуетъ историческую или историографическую характеристику, и когда реконструируетъ ходъ событія или развитіе явленія, часто очень запутаннаго, изъ политической, церковной или культурной исторіи путемъ оригинальной комбинаціи источниковъ, и когда

разрабатываетъ историко-этнографическій вопросъ, изслѣдуетъ законодательство, социальное-экономическій институтъ, даже просто когда пишетъ полемическую статью или рецензію. Интересъ къ византійской исторіи въ русскомъ ученомъ понятенъ изъ той связи, въ которой находились судьбы Руси въ кievскій и московскій періоды съ общественнымъ строемъ и духовною культурою средневѣковой преемницы римской имперіи. Точное научное разрѣшеніе вопроса о „византійскомъ вліяніи“ въ русской исторіи въ цѣломъ и деталяхъ возможно лишь подъ условіемъ весьма основательнаго разысканія и воспроизведенія самой исторіи Византіи, которая изучалась до сихъ поръ сравнительно мало, неудовлетворительно и отрывочно. Это—первостепенная задача, которая является условіемъ прогресса нашей отечественной исторіи въ смыслѣ выясненія предѣловъ и оцѣнки значенія одной изъ стихій, создававшихъ русское государство и общество, религію и просвѣщеніе.—Но помимо такой національной, такъ сказать, важности для насъ византійской исторіи съ изученіемъ ея связывается другой, гораздо еще болѣе значительный въ теоретическомъ отношеніи интересъ всемірно-историческаго характера. Развитие византійской исторіи есть сложный и многовѣковой процессъ, богатый по содержанию и могущій существеннымъ образомъ содѣйствовать уясненію основныхъ проблемъ исторической эволюціи человѣчества, но разработанный лишь поверхностно и односторонне, а во многихъ, можетъ быть, самыхъ важныхъ вопросахъ совсѣмъ нетронутый. Такая заброшенность изслѣдованія тысячелѣтнаго періода существованія крупнаго государственнаго и культурнаго организма, непосредственно вышедшаго изъ древняго міра и коснувшагося своимъ концомъ эпохи вторичнаго расцвѣта его образованности, объясняется какъ трудностью самой работы надъ памятниками, оставшимися отъ его жизни, такъ и долгимъ господствомъ въ воззрѣніяхъ историковъ предвзятаго взгляда на дѣло. Византійскую имперію многіе почти до послѣдняго времени представляли себѣ такъ же, какъ еще не очень давно изображали ея предшественницу — римскую, исключительно временемъ культурнаго умиранія, чуждымъ какого бы то ни было движенія, работы и борьбы творческихъ началъ народной жизни. Можетъ быть, именно блестящее открытіе учеными новой школы настоящей исторіи римской имперіи и обнаруженіе значенія этого раньше игнорировавшагося періода въ ходѣ всемірной исторіи — побудили внимательнѣе взглядѣться въ источники познанія и византійской старины. И это должно было доказать ошибочность стараго голословнаго мнѣ-

нія. Параллельно съ указаннымъ, самое перерожденіе теоретическихъ взглядовъ на сущность историческаго процесса раскрыло принципиальную несостоятельность такой безусловно отрицательной оцѣнки характера и роли могущественной и долговѣчной культурной единицы. Углубленіе пониманія того, что составляетъ истинный интересъ науки исторіи, и куда должны простираться усилія ея дѣятелей, показали кромѣ того, что и эпохи „регресса“ (*décadence*) содержатъ въ себѣ поучительный матеріалъ. Послѣ такого измѣненія отношенія къ византійской исторіи любознательность ученыхъ съ особеннымъ рвеніемъ обратилась къ разслѣдованію обширнаго и темнаго періода, скрывающаго такую массу неизученныхъ данныхъ для, быть можетъ, драгоцѣнныхъ будущихъ построеній. Данныя эти теперь могутъ съ самаго же начала обрабатываться при помощи твердыхъ методовъ, создавшихся и укрѣпившихся на изученіи исторіи запада, и заманчивыи трудъ сулитъ капитальные выводы и значительныя, совершенно новыя обобщенія.

Для работы надъ исторіею Византіи и съ послѣдней, всемірно-исторической точки зрѣнія опять же русскіе ученые поставлены въ особенно благоприятныя условія. Всестороннее выполненіе подобно задачи требуетъ основательнаго знакомства съ русскою исторіею; здѣсь необходимо привлеченіе русскихъ и славянскихъ источниковъ, пока еще мало доступныхъ западно-европейскимъ историкамъ. Эти условія открываютъ для русскихъ ученыхъ видное мѣсто въ коллективномъ международно-научномъ дѣлѣ разработки византійской исторіи, какъ части всемірной. Осуществленіе ея можетъ сдѣлаться большою заслугою русской науки, если дѣятели ея сумѣютъ по настоящему широко, свободно и безпристрастно понять ее, вступая въ открытый и честный равноправный союзъ съ западными собратіями; они достигнутъ на этомъ поприщѣ важныхъ результатовъ, если справятся съ дѣломъ серьезно и глубоко, работая энергично и послѣдовательно, какъ и западные ученые, и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣло, безкорыстно и справедливо, чуждаясь фальшиво и узко патріотическихъ предразсудковъ, которые сковываютъ мысль и мертвятъ плоды ея работы.

В. Г. Васильевскій какъ нельзя лучше былъ подготовленъ къ руководящей роли въ организаціи и выполненіи труднаго дѣла изслѣдованія Византіи съ національно-историческою и всемірно-историческою цѣлью. Оно стало центральной заботою его ученой жизни, главнымъ предметомъ его труда и одушевленія. И такое посвященіе себя разысканію малозслѣдованной области съ глубокимъ и всесторон-

нимъ пониманіемъ его задачъ — причѣмъ онъ приступалъ къ работѣ во всеоружіи замѣчательнаго историческаго искусства—придавало особую значительность его ученой личности, ставя его на мѣсто основателя русской византологіи¹⁾. Предаваясь осуществленію поставленнаго имъ себѣ научнаго долга, Василій Григоріевичъ достигъ многого и стяжалъ себѣ славу одного изъ первыхъ византинистовъ Европы. Нужно только замѣтить, что несмотря на высокія качества историческаго таланта и огромную ученость, онъ не торопился сосредоточиться около разработки широкой темы, которая захватывала бы большой періодъ византійской исторіи или въ обобщенномъ видѣ изображала бы крупное явленіе, глубоко и по всѣмъ направленіямъ вошедшее въ жизнь. Къ этому никто не былъ призванъ больше, чѣмъ онъ. А между тѣмъ Василій Григоріевичъ воздерживался до конца жизни отъ прямой постановки такой задачи; онъ все откладывалъ даже приведеніе къ общему единству полученныхъ имъ самымъ богатыхъ, весьма цѣнныхъ и совершенно новыхъ результатовъ, продолжая длинную серію давно намѣченныхъ критическихъ изданій, отдѣльныхъ этюдовъ и частныхъ изслѣдованій. Подобная ориентировка самаго плана ученой дѣятельности Василя Григоріевича объясняется, впрочемъ, не столько характеромъ его научныхъ склонностей, сколько сопутствовавшими обстоятельствами. Она вытекала прежде всего изъ неразработанности того отдѣла всеобщей исторіи, который онъ избралъ своею спеціальностью, въ необходимости расчистить путь для широко-синтетическаго сочиненія по византійской исторіи многочисленными самостоятельными монографическими „Vorstudien“. Другою причиною такой осторожности является рѣдкая добросовѣстность его въ работѣ, твердое убѣжденіе, что можно строить обширное зданіе только изъ безусловно прочнаго матеріала, и безпощадно строгое отношеніе къ самому себѣ. Наконецъ, отъ рѣшенія предпринять большой трудъ общаго характера постоянно отвлекали Василя Григоріевича лежавшія на немъ текущія очень разнообразныя обязанности,

¹⁾ Грановскій уже прекрасно понималъ общесторическое значеніе исторіи Византіи и подчеркивалъ особенную важность изученія ея для познанія нашего отечественнаго прошлаго. Онъ завѣщалъ эту задачу тѣмъ, кто послѣ него будетъ заниматься исторіею. (См. *Сочиненія*, изд. 2, т. II, стр. 121). Послѣ него отдѣльные ученые, спеціалисты по исторіи церкви и церковному праву, также историки древне-русской литературы и археологи затрогивали отдѣльные вопросы изъ византійской старины. Но это не отнимаетъ у Василя Григоріевича заслуженнаго имени родоначальника у насъ византievѣдѣнія, какъ дифференцировавшейся отрасли знанія.

ученыя и педагогическія,—профессора, академика, редактора журнала, члена ученаго комитета и т. д., которыя лишали его досуга и покоя, необходимыхъ для работъ „de longue haleine“. Это печальная особенность русской научной дѣятельности: недостатокъ людей при развившихся довольно высокихъ потребностяхъ, хотя и распространяющихся на небольшую группу интеллигенціи, и необходимость вслѣдствіе такой бѣдности для каждаго ученаго нести на себѣ такую массу труда, какая для вполнѣ успѣшнаго, свободнаго и быстрого его выполненія непременно должна быть раздѣлена между нѣсколькими. Такое коренное зло въ организаціи у насъ научной работы, вмѣстѣ съ плохой матеріальною обеспеченностью ученой профессіи, жестоко вредить процвѣтанію научной дѣятельности: оно связываетъ и парализуетъ ученыя силы, а подъ конецъ и подрываетъ ихъ. Постоянная специальная работа, безъ сомнѣнія, до послѣднихъ минутъ поднимала ученую индивидуальность Василя Григоріевича на все большую высоту. Этотъ не останавливавшійся и въ старости, умственный ростъ благотворно дѣйствовалъ на тѣхъ, съ кѣмъ онъ находился въ общеніи; онъ порождалъ новыя замѣчательныя статьи и изслѣдованія. Но постоянное загроможденіе времени помѣшало ему дать наукѣ все то, что соответствовало его научнымъ силамъ, что хранилось въ видѣ сырыхъ матеріаловъ въ его столѣ, что береглось еще невыраженнымъ въ богатѣйшемъ запасѣ его знаній. Такъ оставалась его научная дѣятельность разбросанною, результаты ея несведенными въ одно стройное цѣлое. Это мучило самого Василя Григоріевича, и въ послѣдніе годы, онъ готовъ былъ, когда сталъ свободнѣе, приняться за труды болѣе общаго характера. Онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, собрать и переработать главныя свои статьи и изслѣдованія. Но болѣзнь истощала энергію, а смерть унесла съ собою необнародованныя слова и идеи, скрыла навсегда уже сформулированныя въ умѣ историка драгоцѣнныя выводы. Давнишняя же мечта написать общую исторію Византіи казалась настолько несбыточною ему самому, что доставляла ему больше горя, чѣмъ радости; подъ конецъ онъ уже не говорилъ о ней и не любилъ, когда на нее намекали.

3.

Надобно было обозначить кругъ работъ Василя Григоріевича, чтобы показать главный центръ его научныхъ интересовъ, которые должны были отчасти (по крайней мѣрѣ, съ извѣстной стороны) опре-

дѣлать его направленіе и какъ профессора. Василій Григоріевичъ, въ качествѣ замѣчательнаго византиста, составившаго себѣ широкую концепцію изученія и построенія фактовъ въ избранной имъ области, уже являлся на кафедрѣ исторіи съ внушительною и авторитетною фізіономіей. Византиевѣдѣніе стало душою его ученой личности, и ее онъ даже невольно долженъ былъ раскрывать передъ слушателями. Ставить, однако, византийскую исторію въ основу преподаванія среднихъ вѣковъ въ университетѣ значило бы неправильно и вредно суживать научное общеобразовательное вліяніе курса всеобщей исторіи. Таковую точку зрѣнія вполне признавалъ и всегда твердо проводилъ покойный. Онъ строилъ свои общіе курсы по всемірно-исторической, а не по византийской программѣ, доказывая тѣмъ ученое безпристрастіе и широту научно-педагогическаго взгляда. Византийской исторіи онъ посвящалъ лишь часть специальныхъ своихъ чтеній, съ которыми обращался къ молодымъ людямъ, всецѣло посвящавшимъ себя наукѣ и въ частности желавшимъ идти по стопамъ учителя на дорогѣ къ разработкѣ избранной имъ специальности. Онъ заботился о томъ, чтобы въ преподаваніи средней исторіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ заложена была постоянная традиція курсовъ по византиевѣдѣнію; но всегда вѣшалъ и ученикамъ-византистамъ сознаніе необходимости для нихъ основательнаго знакомства съ западно-европейскою исторіей.

Въ самомъ характерѣ постановки общихъ курсовъ и со стороны пріемовъ разработки матеріала, вводимаго въ ихъ содержаніе, Василій Григоріевичъ былъ представителемъ особаго взгляда и, можно сказать (по крайней мѣрѣ, у насъ), новаторомъ въ немъ, а во всякомъ случаѣ оригинальнымъ его примѣнителемъ. Онъ никогда не стремился прочитывать каждой смѣнѣ своихъ слушателей полного краткаго обзорѣнія всего средневѣковаго періода. Всякое бѣглое изображеніе рисовалось ему поверхностнымъ и казалось мало плодотворнымъ. Онъ ставилъ ихъ преимущественно подъ руководство аналитико-критическаго, а не синтетико-догматическаго метода. При этомъ имѣлась въ виду задача не только дать обстоятельное изложеніе событія, вопроса, явленія, эпохи, сообщая послѣдніе выводы, достигнутые наукою для ихъ освѣщенія; профессоръ старался кромѣ того показать, что послужило почвою для такого вывода, и какъ удалось его установить. Поэтому вниманіе слушателей попрежнему обращалось къ источниковѣдѣнію, исторіографіи, критическому воспроизведенію факта, анализу элементовъ явленія и только въ концѣ концовъ къ форму-

лировкѣ обобщеннаго заключенія. Отсюда проистекала, конечно, известная медленность преподаванія (хронологическая неполнота): нельзя было давать въ одинъ годъ обзоръ длиннаго ряда вѣковъ. Отсюда же получалось, на первый взглядъ, преобладаніе детальности надъ широтою (неполнота содержанія): приходилось сосредоточиваться на сравнительно небольшомъ числѣ вопросовъ исторической жизни разсматриваемаго періода и ограничивать наблюденіе лишь частью территоріи, занятой тогда культурнымъ человѣчествомъ. Благодаря такому возрѣнію Василій Григоріевичъ, очевидно, не могъ проходить всего средневѣковья въ одинъ годъ. Полный циклъ его общихъ курсовъ завершался обыкновенно въ четыре года. Первый курсъ посвящался переходной эпохѣ отъ древняго міра къ исторіи новой Европы (римская имперія и варварскія государства); второй—франкскому періоду (до распаденья монархіи Карла Великаго); третій—эпохѣ образованія и развитія феодализма (преимущественно на почвѣ исторіи Франціи); четвертый—давалъ любопытное обзорѣніе исторіи востока и запада во вторую половину среднихъ вѣковъ (съ разсмотрѣніемъ и высшей точки развитія, и упадка типичныхъ явленій эпохи — напства и имперіи, крестовыхъ походовъ, византизма, ислама, средневѣковаго мировозрѣнія и государства).

Много спорять о преимуществахъ и недостаткахъ того и другаго метода университетскаго преподаванія исторіи. Противники того возрѣнія, котораго придерживался Василій Григоріевичъ и которое принимается и проводится сознательно и послѣдовательно до сихъ поръ сравнительно многими профессорами, въ опроверженіе его цѣлесообразности ссылаются чаще всего на неподготовленность студентовъ къ занятіямъ наукою въ настоящемъ смыслѣ слова. Именно въ виду неспособности ихъ будто бы критически перерабатывать черезчуръ обширный матеріалъ и сознательно воспринимать его детальную обработку, признается необходимымъ знакомить ихъ сначала лишь въ краткихъ чертахъ съ великими отдѣлами исторіи, давая при этомъ научное освѣщеніе главныхъ явленій лишь въ самыхъ существенныхъ признакахъ. Таковою рисуется для сторонниковъ указываемаго взгляда задача *общихъ* курсовъ. Углубленіе же въ изученіе отдѣльныхъ вопросовъ съ анализомъ источниковъ и критикою ученыхъ мнѣній представляется имъ дѣломъ курсовъ специальныхъ. Нельзя отрицать теоретически образовательной полезности подобныхъ суммарныхъ изображеній большихъ періодовъ и трудныхъ проблемъ, которыя вводили бы начинающихъ въ еще чуждую имъ научную сферу. Но при выпол-

неніи ихъ приходится встрѣчаться съ двумя опасностями. Стараюсь такимъ путемъ избѣжать многочисленныхъ трудностей, связанныхъ съ обращеніемъ къ неопытнымъ слушателямъ, преподаватель невольно можетъ понизить тонъ до характера элементарнаго учебника. Отдаваясь же свободному влеченію показать имъ прежде всего послѣдніе и самыя общіе выводы науки, объединяющіе громадныя эпохи съ сложнымъ содержаніемъ, онъ впадетъ въ отвлеченный схематизмъ, который подниметъ изложеніе до высшей ступени научнаго познанія предмета. И то, и другое будетъ не соответствовать силамъ учащихся. Первое—не возбудитъ интереса и работы мысли, потому что ощутится, какъ повтореніе извѣстнаго и наскучившаго, не волеетъ энергія въ настроеніе студента, вызывая впечатлѣніе открывающихся широкихъ неизвѣданныхъ горизонтовъ, а усыпить его вниманіе и трудъ отсутствіемъ новизны и движенія. Второе—не найдетъ въ запасѣ его памяти достаточнаго матеріала, прочно усвоеннаго и хорошо сгруппированнаго, который наполнилъ бы живымъ конкретнымъ содержаніемъ предлагаемыя абстрактныя формулы и тѣмъ обусловилъ бы возможность одушевленія слушателя новымъ способомъ обработки уже близкихъ сердцу вопросовъ. Вотъ почему такое изложеніе съ трудомъ сдѣлается сильнымъ средствомъ дѣятельнаго развитія мысли, такъ чтобы сообщаемыя при его помощи идеи и знанія воспринимались не формально на вѣру, а дѣйствительно пытали зрѣющій интеллектуальный организмъ новыми живительными соками. Такое слово не встрѣтитъ также въ большей части юношества, къ которому оно обращается, твердо-выработаннаго отвлеченнаго разсужденія и привычки распорядиться тонкими приемами логическаго построенія, которыя необходимы, чтобы рѣчь профессора, облеченная въ описанную оболочку, захватила умъ и воображеніе и повела впередъ, а не подавила волю сознаніемъ безпомощности. Послѣднее же неминуемо должно вызвать особый видъ скуки, связанной съ невозможностью понимать и не менѣе могущественно вліяющей на омертвѣніе мысленія, чѣмъ тоска, сопровождающая работу, которая не требуетъ никакого напряженія. Такимъ образомъ свитетико-догматическое построеніе исторіи человѣчества, какъ абстрактной эволюціонной схемы, есть форма, подходящая наилучшимъ образомъ къ преподаванію на послѣдней ступени университетскаго курса, а никакъ не къ началному его моменту. Это—обобщеніе, а чтобы оно было живо и сильно, нужна хорошая предварительная проработка данныхъ, изъ которыхъ оно выводится, то-есть, серьезныя знанія и умѣніе обращаться съ

ними для извлеченія изъ нихъ научныхъ выводовъ. То и другое дается въ желательной для каждаго мѣрѣ системою, которую Василій Григоріевичъ со свойственною ему мягкою настойчивостью, развивалъ въ теченіе своей почти тридцатилѣтней университетской дѣятельности.

Кромѣ указаннаго надобно отмѣтить, что и въ ученой литературѣ общія теоріи эволюціи человѣческой цивилизаціи установлены до сихъ поръ лишь весьма шатко и несовершенно; исторія, какъ соціологія, есть еще наука будущаго. Поэтому при настоящемъ уровнѣ разработки ея подобное изображеніе требуетъ отъ профессора не только совѣмъ выдающагося таланта, но и исключительной силы именно постройтельнаго воображенія, смѣлаго самосознанія объединяющей мысли, а также рѣдкой яркости научнаго языка.—В. Г. Васильевскій въ личныхъ бесѣдахъ съ учениками часто восхищался курсами тѣхъ немногихъ изъ его русскихъ коллегъ, которые даютъ особенно блестящіе опыты такихъ обобщенныхъ обзоровъ полнаго теченія какого-нибудь великаго отдѣла исторіи. Онъ совѣтовалъ имъ учиться у такихъ крупныхъ мастеровъ ихъ замѣчательному искусству образцовой общеполитической „Darstellung“, откровенно и съ сожалѣніемъ заявляя, что самъ онъ не можетъ дать ничего подобнаго. Нѣкоторые бывшіе слушатели Василя Григоріевича, не ставшіе однако его учениками, теперь сдѣлавшись сами профессорами и проводя точку зрѣнія о необходимости „элементарныхъ“ курсовъ, какъ основы изложенія исторіи съ университетской кафедрой, любятъ ссылаться въ спорахъ съ адептами системы учителя на такое „признаніе Василюмъ Григоріевичемъ собственной слабости“. Мнѣ кажется, что они неправильно понимаютъ слова, на которыя хотятъ полемически опереться. Въ послѣднихъ обнаруживается опять же только удивительная скромность Василя Григоріевича и его замѣчательная способность видѣть и цѣнить въ другихъ свойства и достоинства, ему не достававшія. Они, вѣроятно, не вслушались, какъ онъ на ряду съ этимъ превосходно аргументировалъ цѣлесообразность аналитическаго метода изслѣдованія по правилу перехода отъ частнаго къ общему въ университетскомъ преподаваніи исторіи. Онъ убѣдительно доказывалъ предварительную невзбѣжность его примѣненія для подготовки молодыхъ людей хотя бы къ уразумѣнію тѣхъ дѣйствительно высоко-талантливыхъ научно-педагогическихъ произведеній, которымъ онъ такъ безпристрастно отдавалъ справедливую честь. Затѣмъ они не отдавали себѣ, повидимому, отчета въ томъ, что Василій Григоріевичъ одобрялъ не ихъ точку зрѣнія. Онъ признавалъ полезность обобщенныхъ

научныхъ формулъ въ университетскихъ курсахъ, но не допускалъ обращенія курса въ учебникъ: онъ полагалъ, что ознакомленіе съ ходомъ исторіи и элементарныя отвѣты на главные ея вопросы должны добываться самими студентами по имѣющимся лучшимъ руководствамъ и доступнымъ пособіямъ, которыя онъ всегда тщательно указывалъ.

Собственныя чтенія Василія Григоріевича являются лучшимъ фактическимъ подтвержденіемъ правильности такого мнѣнія. Всякій прошедшій филологическій факультетъ Петербургскаго университета въ тѣ годы, когда все преподаваніе средней исторіи находилось въ его рукахъ, я убѣжденъ, согласится со мною, что никто изъ профессоровъ исторіи не обнаруживалъ такого глубокаго вліянія на ихъ образованіе, не оставлялъ на знаніяхъ и умственномъ складѣ cadaго, основательно занимавшагося наукою, такого прочнаго слѣда, какъ именно Василій Григоріевичъ. На его лекціяхъ слушателя всегда охватывала бодрая и величественная, серьезная и свободная научная атмосфера, возвышающая духъ, вызывающая пылливость; послѣ каждой лекціи онъ выходилъ изъ аудиторіи измѣнившимся—обогащеннымъ свѣдѣніями, лучше понявшимъ задачу изслѣдованія, больше заинтересованнымъ въ открытіи истины.

Подъ конецъ въ защиту поддерживавшейся Василіемъ Григоріевичемъ системы университетскаго преподаванія обращу вниманіе на то обстоятельство, что главная цѣль, которую должны преслѣдовать, по мнѣнію ихъ сторонниковъ, синтетическіе курсы, то-есть, стремленіе дать полное изображеніе всего процесса эволюціи культуры въ опредѣленный долгій періодъ, не достигается ими. Извѣстный курсъ одного изъ первыхъ знатоковъ нашей отечественной исторіи, являющійся почти безукоризненнымъ образцомъ разбираемаго метода, все-таки оказывается главнымъ образомъ картиною развитія государственныхъ учрежденій и сословнаго строя на Руси. Отсутствие систематическаго обозрѣнія исторіи духовной культуры замѣняется въ немъ, правда, мастерскими характеристиками нѣкоторыхъ великихъ людей и выдающихся дѣятелей, которыя глубоко вводятъ въ пониманіе интеллектуальнаго и моральнаго настроенія эпохи, и нѣкоторыми отдѣльно стоящими очерками явленій умственной и религіозной жизни русскаго народа. Но это — лишь экскурсы, такъ что только богатство выдѣлки развертывающейся передъ глазами слушателей ткани и покоряющая вниманіе великолѣпная стройность всего произведенія заставляютъ забывать такіе пробѣлы въ его содержаніи. Другой уважаемый представитель нашего университетскаго историче-

скаго преподаванія, строящій по тому же методу изложеніе западно-европейской исторіи въ средніе вѣка, также принужденъ для пріобрѣтенія возможности провести курсъ черезъ все тысячелѣтіе отъ V-го по XV-й вѣкъ остановиться на разсмотрѣніи одной лишь стороны историческаго процесса. Онъ даетъ замѣчательное по научному совершенству и методической выдержанности изображеніе развитія формъ властвованія, выясняемыхъ эволюціею соціальныхъ отношеній, которая представлена въ свою очередь на почвѣ хозяйственнаго роста главныхъ народовъ Европы отъ паденія римской имперіи до образованія великихъ національныхъ государствъ новаго времени. Но для достиженія единства плана и цѣльности результатовъ ему приходится устранить изъ рамокъ изложенія, во-первыхъ, нѣкоторыя страны, во-вторыхъ, отказаться отъ разясненія ряда очень важныхъ вопросовъ опять изъ области преимущественно культурно-религіозной исторіи.

Такимъ образомъ, несмотря на приложеніе къ дѣлу большихъ искусно сосредоточенныхъ и опытныхъ силъ замѣчательными научными талантами, имъ неполнѣе удастся въ рамкахъ университетскаго курса достигнуть, даже примѣняя абстрактно-догматическое построеніе, полной системы историческаго обзора, который захватывалъ бы большой періодъ. А вѣдь это—первое, что требуется сторонниками подобныхъ общихъ курсовъ, какъ необходимое условіе, удовлетворяющее, по ихъ мнѣнію, общеобразовательной цѣли. Самая громадность историческаго матеріала съ одной стороны, несовершенство разработки исторической науки съ другой и, наконецъ, трудность пониманія отвлеченнаго изображенія для неопытнаго въ научной работѣ юноши ослабляютъ успѣшность такого способа преподаванія. Все указанное, повторю, съ особенною очевидностью освѣщаетъ научно-педагогическую вѣрность точки зрѣнія В. Г. Васильевскаго. Къ чему же стремиться при установкѣ принциповъ общаго университетскаго курса исторіи къ полнотѣ программы, принося ей въ жертву полноту разработки, если цѣль эта не соотвѣтствуетъ ни состоянію развитія самой науки, ни интересамъ учащихся и является поэтому не только недостижимой, но и ненужной? Не всякій студентъ готовится, конечно, къ ученой дѣятельности; но всякому, проходящему университетъ, необходимо испытать на себѣ дѣйствіе настоящей научной работы, чтобы дѣйствительно воспользоваться благами высшаго образованія. Научное же упражненіе найдется только въ глубокой аналитической обработкѣ того или иного матеріала. Она можетъ быть дапа въ исторической

области только путемъ сосредоточенія на небольшихъ эпохахъ и немногочисленныхъ вопросахъ. Но штудированіе ихъ подь прямымъ руководствомъ профессорскихъ лекцій разовьетъ въ обращающихся къ наукѣ юношахъ силу сознательно и самостоятельно братья за дальнѣйшее изученіе другихъ проблемъ, если только они будутъ живо затронуты умственной жаждою. Во всякомъ случаѣ оно одно можетъ сообщить зрѣлую складку ихъ мышленію. Василій Григоріевичъ это прекрасно понималъ. Онъ основывалъ свои курсы на детальномъ критическомъ и историографическомъ разсмотрѣніи вопросовъ, вводимыхъ въ ихъ планъ. Онъ ограничивалъ чтенія каждаго года, какъ замѣчено, небольшими хронологическими предѣлами. Но это были именно общіе курсы, такъ какъ они проникались *всемирно-историческою* точкою зрѣнія, то-есть, централизовались около событій, явленій, процессовъ, имѣвшихъ капитальное значеніе въ развитіи и прогрессѣ человѣческой культуры. Для желающихъ ознакомиться, по возможности, съ обзорѣніемъ значительной части средневѣковаго періода и вдуматься въ рѣшеніе большинства важнѣйшихъ вопросовъ исторіи этого времени онъ предлагалъ весь циклъ своихъ смѣняющихся по очереди курсовъ. Тѣ, кому удавалось воспользоваться ими въ цѣломъ, особенно ясно убѣждались въ великихъ достоинствахъ его преподаванія. Но и другіе, которые оказывались вынужденными удовольствоваться однимъ годомъ занятій подь руководствомъ Василя Григоріевича, покидали его лекціи съ благодарностью, и имъ дѣлалась понятною идея, что нѣтъ необходимости непременно пройти черезъ все содержаніе той или иной отрасли знанія тому, кто ищетъ основательнаго университетскаго образованія. Имъ выяснялась истина, что главная задача высшей школы—ввести въ глубину научнаго освѣщенія вопросовъ познанія, дать на примѣрѣ изслѣдованія ихъ твердый закалъ разсудку, воображенію и памяти, связать съ умственнымъ трудомъ лучшую часть духовной жизни юности, соединить съ нимъ самыя благородныя чувствованія и дорогія настроенія и оставить потребность идейности на всѣ дальнѣйшіе годы существованія человѣка.

И потому пытаюсь обозначить съ нѣкоторою подробностью основную точку зрѣнія, опредѣлявшую направленіе преподаванія Василя Григоріевича, что вижу въ ней одну изъ самыхъ типичныхъ чертъ его ученой природы, являвшихся однимъ изъ главныхъ условій весьма немаловажной его профессорской заслуги. Это чувствовали, думается мнѣ, всѣ хорошіе его слушатели, но твердо формулировать такую оцѣнку и громко провозгласить ее—есть обязанность его ближайшихъ

учениковъ, особенно теперь, когда учитель навсегда сошелъ со сцены жизни и когда опасно дать остановиться порожденному имъ теченію, когда необходимо работать для укрѣпленія заложенной имъ традиціи.

4.

Чтобы иллюстрировать справедливость выше установленнаго сужденія, лучше всего взглянуть пристальнѣе въ концепцію и содержаніе самыхъ курсовъ Василя Григорьевича. Я разберу въ видѣ примѣра именно *первый* изъ нихъ, который дорогъ моимъ университетскимъ воспоминаніямъ, такъ какъ студентомъ 2-го курса я занимался его составленіемъ. Это была моя первая серьезная работа; она требовала большаго и нелегкаго напряженія; но исполняя ее подъ руководствомъ Василя Григорьевича, я позналъ уже тогда, какъ плодотворно дѣйствовали его лекціи, какъ дѣятельно настраивало умъ научное общеніе съ нимъ, и какъ онъ способенъ былъ развить въ ученикѣ своемъ умѣнье находить радость въ трудѣ.

Курсъ, который я хотѣлъ бы охарактеризовать точнѣе и опредѣленнѣе, представлялъ, какъ отмѣчено выше, обзорнѣе событій и явленій *переходной эпохи отъ древности къ такъ называемымъ среднимъ вѣкамъ*. Самая постановка темы — посвященіе работы цѣлаго года изученію лишь возвышенія и упадка римской имперіи и возникновенія новыхъ формъ соціально-политическаго объединенія и культурнаго развитія народовъ западной Европы—являетъ уже прекрасный примѣръ проведенія эволюціоннаго метода черезъ преподаваніе исторіи съ университетской кафедрой. Она сразу обращала вниманіе слушателей на сложность и медленность историческаго движенія. У насъ еще господствуютъ крайне отсталые взгляды на исторію, особенно въ общеобразовательной школѣ. Гимназистъ обыкновенно не представляетъ себѣ, для чего должно и какъ можно дѣлать развитіе человѣчества на періоды; онъ плохо понимаетъ, въ чемъ заключается связь между ними; единство культурнаго процесса, закономерность его—это пустыя слова для очень многихъ оканчивающихъ курсъ средняго учебнаго заведенія ¹⁾. Не всегда и въ университетѣ хорошо и сразу

¹⁾ Руководства профессора П. Г. *Виноградова*, представляющія важный шагъ впередъ въ дѣлѣ улучшенія метода построенія и изложенія гимназическаго курса, вышли еще недавно, и они только медленно вытѣсняють изъ школы прежніе учебники, развивающіе противонаучныя понятія, совершенно неудовлетворительные, но получившіе всеобщее распространеніе и держащіеся на рутинѣ

выясняются эти основные истины студентамъ съ самаго начала. Большая часть моихъ товарищей, по крайней мѣрѣ, отъ Василя Григорьевича почти впервые услышали глубокую и спокойно-убѣжденную рѣчь о генетическомъ изслѣдованіи, о внутренней цѣльности исторіи и невозможности рѣзкаго разсѣченія ея на части, уразумѣли ясно, что древность входитъ въ средніе вѣка результатами своей работы, и послѣдніе уже живутъ въ первой своимъ корнями. Это вселяло въ насъ не только отвращеніе отъ схоластическихъ рамокъ при классификаціи великихъ историческихъ отдѣловъ, но, можетъ быть, шло на мысль о шаткости самого шаблоннаго понятія — „средніе вѣка“, о необходимости внести жизнь въ символизацию теченія исторіи, замѣнить неподвижный принципъ хронологическихъ частей гибкимъ понятіемъ смѣняющихся фазъ развитія.

Первая часть четырехчленнаго цикла курсовъ Василя Григорьевича дѣйствительно раскрывала передъ слушателями широкія и важныя, новыя и общія перспективы ¹⁾. — Пространныхъ введеній теоретическаго содержанія Василий Григорьевичъ избѣгалъ, предпочитая развивать руководящія взгляды по мѣрѣ разработки историческаго матеріала и формулировать методологическіе и философско-историческіе выводы вслѣдъ за ознакомленіемъ слушателей съ данными, изъ которыхъ они строятся. Въ этомъ также видно подчиненіе его основной истинѣ, которую онъ ставилъ краеугольнымъ камнемъ своихъ преподавательскихъ воззрѣній: готовить всякое синтетическое обобщеніе долгою аналитическою работою. Въ этомъ смыслѣ правила его совпадали съ идеею *Фюстель-де-Куланжа*, историка, котораго всегда высоко ставилъ Василий Григорьевичъ, превосходно знакомя своихъ учениковъ съ его сочиненіями.

Въ первой лекціи Василий Григорьевичъ обыкновенно кратко заявлялъ, что будетъ изображать исторію, какъ генезисъ явленій обще-

школы и невѣжествѣ средн. В. Г. Васильевскій радовался появленію научной книги для гимназическаго обученія почитаемаго имъ собрата, хотя и спрашивалъ себя съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, побѣдятъ ли выше ума ея необычныя трудности и захотятъ ли сами преподаватели поднять и поддерживать себя на уровнѣ искусства и твердаго толкованія и разработки такого руководства.

¹⁾ До 1880 г. онъ читалъ для всѣхъ филологовъ III-го курса по 4 или 3 часа въ недѣлю. Потомъ, когда ограничено было однимъ годомъ преподаваніе древней исторіи, временно занявшей несоразмѣрное мѣсто въ планѣ факультетскихъ предметовъ, общій курсъ средней исторіи былъ перенесенъ на второй курсъ. Послѣ введенія устава 1884 г. дѣло, какъ извѣстно, измѣнилось не къ пользѣ предмета.

ственнаго строя и духовной культуры, опредѣлялъ задачу даннаго курса, намѣчалъ въ немногихъ словахъ его главные расчлененія, а затѣмъ переходилъ къ обзорѣннѣ основныхъ фактовъ и теченій *исторіографіи по среднимъ вѣкамъ*. Послѣ быстрого указанія „неисторичности“ мысли XVIII вѣка опъ давалъ въ высшей степени интересный этюдъ о *Гиббонѣ*, на примѣрѣ котораго пояснялъ, что такое историческое изображеніе, какъ возникло научное изученіе прошлаго человечества, что дало при своемъ появленіи, чѣмъ цѣнно до сихъ поръ и въ чемъ отстало отъ современныхъ успѣховъ науки знаменитое произведеніе—„*History of the decline and fall of the Roman empire*“.—Затѣмъ, установивъ, что созданіе истинно-научной „исторической школы“ было дѣломъ XIX вѣка, профессоръ обращался къ разсмотрѣннѣ взглядовъ и трудовъ главныхъ представителей исторической науки во Франціи, Германіи и Англии и разбору основныхъ направленій новѣйшей исторической мысли. Личность и сочиненія *Гизо, Тьерри и Фустьель-де-Куланжа, Гизебрехта, Вайтца, Зибеля, Ранке и Нитча, Стеббса, Фримана и Груна*, наконецъ также *Грановскаго, Кудрявцева и Ешевскаго* проходили передъ умственнымъ взоромъ слушателей въ обстоятельныхъ, живыхъ и хорошо документированныхъ характеристикахъ, а потомъ распредѣлялись въ соответствующія группы, разъясняя и истолковывая направленія. Романисты и германисты, доктринеры и критики, націоналисты и философы, политики и экономисты—все эти понятія, поскольку они полезны для уразумѣннѣ развитія и прогресса изученія средневѣковой исторіи западной Европы и отраженія его успѣховъ въ Россіи—дѣлались мало по малу извѣстными слушателямъ Василя Григорьевича. Многие называютъ исторіографію безусловно задачею спеціальныхъ курсовъ. Но его изложеніе доказываетъ, какъ осторожный и искусно построенный экскурсъ въ область исторіи науки дѣйствительно прекрасно вводитъ начинающаго въ незнакомую ему среду. Такой очеркъ является незамѣнимымъ средствомъ, сообщая ему свѣдѣннѣ о научномъ дѣлѣ авторовъ, которые должны стать его руководителями въ работѣ, выдвинуть передъ его глазами и главные вопросы, которые онъ будетъ изучать. Основные проблемы средней исторіи—паденіе римской имперіи, великое движеніе германцевъ и образованіе ихъ государствъ (и вообще расовый вопросъ), развитіе монархіи Франковъ, Карль Великій, монашество, папство, имперія, феодализмъ, города, схоластика—постепенно становились близки слушателю Василя Григорьевича въ то время, какъ онъ узнавалъ въ освѣщеннѣ профессора

мнѣнія о нихъ тѣхъ ученыхъ, которые содѣйствовали ихъ постановкѣ и разрѣшенію.

Самый курсъ велѣдъ за исторіографическимъ введеніемъ распался на слѣдующіе отдѣлы: 1) Первоначальное заселеніе западной Европы и ея романизация; 2) Религіозно-нравственный кризисъ въ римскомъ мірѣ и происхожденіе христіанства; 3) Древняя Германія и начало проникновенія варварской стихіи на римскую почву; 4) Паденіе римской имперіи и великія германскія вторженія; 5) Характеръ первыхъ варварскихъ государствъ съ заключеніемъ о возникновеніи франкскаго королевства.

Каждая изъ перечисленныхъ здѣсь частей была чрезвычайно богата разнообразнымъ фактическимъ матеріаломъ, который раскрывалъ передъ слушателями самую сущность вопроса, показывалъ особенности періода. Изображеніе объединялось такими глубокими точками зрѣнія, что желающій получалъ въ руки полную возможность сознательно отнестись къ предлагаемой работѣ и постоянно расширять свои познающія силы, усваивая орудія изслѣдованія, уразумѣвая природу и признаки научнаго изученія предмета.—Такъ, первый изъ указанныхъ отдѣловъ, разсматривавшій этнографическую основу европейской исторіи, обширный и систематическій, знакомилъ съ данными, методами и выводами антропологии, доисторической археологии и первобытнаго права. Здѣсь классифицировались вещественные памятники, оставшіеся отъ древнѣйшихъ слоевъ населенія Европы въ послѣдовательномъ порядкѣ, принимались приемы сравнительнаго изученія языковъ, мифологии, народной психологии и древнихъ учреждений для опредѣленія мѣста, которое занимали арійцы въ первобытной жизни Европы. На примѣрѣ кельтской старины давалась характеристика первоначальной религіи арійцевъ и разсматривался ихъ древнѣйшій, доступный исторіи семейный, социальный и политическій бытъ. Въ результатѣ получалось воспроизведеніе эволюціонной цѣпи заселенія Европы съ разъясненіемъ того, какъ смыкаются вмѣстѣ ея звенья при помощи построенія схемы первыхъ фазъ культурнаго творчества народовъ и взаимодѣйствія между ними. Сообщалась масса совершенно новыхъ для мало подготовленнаго студента и высоко поучительныхъ свѣдѣній и идей, уже отчасти перерождавшихъ его міровоззрѣніе, прочитывались вмѣстѣ съ нимъ великолѣпныя страницы изъ исторіи наукъ, появившихся въ послѣднее десятилѣтіе, но уже оказавшихъ исторіи существенныя услуги ¹⁾.

¹⁾ Статья Василія Григоріевича—„Вопросъ о Кельтахъ“ (См. Журналъ Ми-

Дальнѣйшая глава—завоеваніе римлянами странъ и народовъ далекаго сѣверо-запада и ихъ постоянная ассимиляція Риму точно также изобиловала любопытными и важными свѣдѣніями. Въ ней заключалась характеристика всемірно-исторической роли римской имперіи въ той формулировкѣ, какая достигнута наукою новѣйшаго времени, являясь капитальною „contribution“ для установки убѣжденія во внутреннемъ единствѣ процесса развитія человѣчества¹⁾. Мы получали тутъ на лекціяхъ Василія Григоріевича самое точное понятіе о сущности и результатахъ замѣчательныхъ изслѣдованій *Момзена* и его школы, научались оцѣнивать громадную важность привлеченія эпиграфическихъ памятниковъ къ выясненію условій развитія внутренней жизни римскаго міра. Передъ нами развертывалась захватывающая вниманіе и волнующая душу картина огромнаго культурнаго воздѣйствія романизирующей силы на варварскій міръ.

Слѣдующій отдѣлъ, рассматривающій постепенное распаденіе религіозно-правственнаго міровоззрѣнія античнаго общества и зарожденіе христіанства, можетъ быть названъ прекраснымъ опытомъ „эмбриогенія міровой религіи“, съ которою тѣсно связана вся человѣческая цивилизація отъ упадка древней культуры до настоящихъ дней. Изложеніе было проникнуто въ одно и то же время почтительнымъ благоговѣніемъ передъ грандіознымъ явленіемъ челоѣка, склоннаго быть вѣрующимъ, и исполнено научнаго безпристрастія историка и критика, не желающаго вносить въ изслѣдованіе затемняющей его научное пониманіе догматической неподвижности. Профессоръ послѣдовательно останавливался въ рамкахъ разбираемой части своего курса на изученіи греко-римской религіи и ея разложенія философій съ одной стороны въ образованныхъ классахъ общества, измѣненіемъ нравовъ, расширеніемъ историческаго опыта и столкновеніемъ съ другими вѣрованіями съ другой стороны въ народныхъ массахъ; потому

Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1882 и 1888 г.), представляющая переработанными лекціи (авторъ одно время мечталъ подготовить такимъ образомъ къ печати весь свой курсъ), свидѣтельствуетъ о томъ, какъ онъ былъ освоенъ съ рядомъ сосѣднихъ съ исторіею дисциплинъ, и какъ умѣлъ передавать основательно и ясно, критически и интересно ихъ наиболѣе твердые и важные выводы.

¹⁾ Василій Григоріевичъ уже во время командировки за границу въ шестидесятихъ годахъ увлекался этою новою оцѣнкою раньше невѣрно, односторонне и узко изображавшагося великаго періода и чутко понималъ правильность новой концепціи и важное значеніе ея для прогресса построенія всеобщей исторіи челоѣчества.—См. *Отчетъ* его, напечатанный въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* т. I 121 (1864).

онъ дѣлалъ обзорѣніе неудачныхъ попытокъ философской мысли свачала стать на мѣсто религіи, потерявшей авторитетъ надъ сердцами, позже возродить ея силу искусственными средствами. Онъ показывалъ преемственные фазы постепеннаго роста новой жажды религіознаго искупленія въ человѣчествѣ, объединенномъ римскимъ оружіемъ; затѣмъ анализировалъ элементы, изъ которыхъ сложилось зерно первоначальнаго христіанства, и прослѣживалъ судьбы христіанской общины, устройство церкви и религіознаго настроенія адептовъ новой вѣры внутри стараго государства. Такъ выстраивалась мало по малу древняя исторія христіанства, какъ первостепеннаго фактора культуры, отъ момента появленія его въ столицѣ и главныхъ городахъ всемірной имперіи и скрытаго существованія подъ покровомъ неизвѣстности, черезъ драматическую эпоху борьбы съ языческою стариною, до времени торжества новой вѣры надъ могуществомъ государства, косностью общественнаго мнѣнія и уединенностью научной мысли, до такъ называемаго религіознаго міра при императорѣ Константинѣ. Помимо густо насыщенной красками и законченной, твердо обобщенной картины изображаемаго явленія—эволюціи вѣрованій, нравственныхъ настроеній и идей, религіознаго устройства—лекціи профессора и здѣсь заключали цѣнные данныя историографическаго и методологическаго характера: давалось, напримѣръ понятіе о принципахъ *тубингенской* школы, ярко рисовалась оригинальная учено-поэтическая фигура *Ренана*, разбиралось сочиненіе *Гаусрата* (*Neutestamentliche Zeitgeschichte*), описывались христіанскія древности катакомбъ, сообщались результаты изслѣдованій *Де-Росси* съ выясненіемъ всемірно-исторической важности знакомства съ памятниками древне-христіанскаго искусства.

Всѣ указанные вопросы, рѣдко затрогивающіеся у насъ въ общихъ университетскихъ курсахъ, слушались аудиторією Василя Григоріевича съ особеннымъ вниманіемъ и доставляли особенное наслажденіе. Но и слѣдующіе отдѣлы не уступали предшествующимъ въ обильной полнотѣ содержанія, основательности группировки матеріала, ясности и поучительности глубокихъ выводовъ. Студенты находили въ нихъ, во-первыхъ, подробное описаніе *тацитовой Германіи*, въ которомъ искусно нечерпывался главный источникъ и примыкающіе къ нему дополнительные памятники съ систематическимъ разборомъ сложной литературы о первобытномъ германскомъ правѣ и общественномъ строѣ. Далѣе подробно и мастерски излагались запутанныя событія такъ-называемаго „*великаго переселенія народовъ*“; причѣмъ между

воззрѣніями старыхъ германистовъ, рисовавшихъ германское завоеваніе разрушительнымъ катаклизмомъ, ничего не оставившимъ отъ римскаго развитія и замѣнившимъ его „свѣжими“ германскими національными началами цивилизаціи,—и рѣзко отрицающею всякое значеніе германцевъ теорію Фюстель-де-Куланжа выработывалось исторически достовѣрное и строго-научное среднее мнѣніе. Необходимость появленія варваровъ на почвѣ римскихъ провинцій искусно обнаруживалась изученіемъ внутренняго состоянія самой имперіи. Василій Григорьевичъ внимательно разыскивалъ передъ слушателями причины ея упадка. Онъ разсматривалъ учрежденія діоклетіано-константиновской абсолютно-бюрократической монархіи и выяснялъ ихъ политическую непрочность и гибельность; изучалъ ненормальность соціальныхъ отношеній—образованіе аристократіи, разореніе и закрѣпощеніе трудящейся массы и служилаго большинства ¹⁾). Кроме того профессоръ дѣлалъ набросокъ послѣдней стадіи религіознаго кризиса античнаго міровоззрѣнія, централизуя изложеніе около характеристики любопытной личности императора Юліана, его сотрудниковъ — послѣднихъ философовъ и враговъ — іерарховъ христіанской церкви; въ данной связи начертывалась картина измѣненія новой вѣры, ея духа и организаціи, а также одряхлѣніе научной и литературной мысли, омертвѣніе соціальной энергіи и солидарности внутри общества. Такимъ образомъ великая катастрофа выводилась, какъ необходимая, и раскрывалась въ постепенныхъ своихъ фазахъ. Конечный выводъ — „имперія пала не подъ оружіемъ варваровъ, а въ силу собственнаго внутренняго разложенія“ (*Mommsen*)—естественно истолковывалъ уничтоженіе римскаго единства, и описаніемъ различныхъ типовъ государствъ, возникшихъ на западѣ поверхъ его развалинъ, заканчивался обширный курсъ, основа котораго воспроизведена на предыдущихъ страницахъ.

Таковъ образецъ чтеній В. Г. Васильевского, который я могу выставить, какъ лучший *specimen*, характеризующій его преподавательское направленіе. Думаю, что даже набросанный мною спѣшный и несовершенный эскизъ можетъ дать понятіе о его большихъ научныхъ и педагогическихъ достоинствахъ. Долго было бы также обстоятельно

¹⁾ Детальный разборъ вопроса о происхожденіи колоната долженъ быть названъ одною изъ лучшихъ главъ этой части, и въ ней превосходно обнаруживалась связь между римскимъ прошлымъ и средневѣковымъ будущимъ, вскрывавшаяся въ общественныхъ порядкахъ имперіи зародыши феодализма.

излагать содержаніе и отмѣчать особенности программы слѣдующихъ курсовъ. Достаточно сказать, что и они отличались тѣми же многими положительными рѣдкими и цѣнными чертами, какъ и первый; и въ нихъ соединялись мастерство выбора подлиннаго повѣствовательнаго матеріала, данныхъ для познанія внутреннего развитія народовъ, обществъ и государствъ и свѣдѣній по исторіографіи съ искусствомъ солидно добывать выводы и отчетливо ихъ формулировать, наконецъ, выводить слушателей на широкій просторъ раскрывающихся кругомъ научныхъ горизонтовъ. Какъ пробѣлъ этихъ курсовъ — второго и третьяго — можно назвать недостаточную разработку (мѣстами даже игнорированіе) исторіи Германіи, Итали и особенно Англій. За центръ при группировкѣ фактовъ и за руководящую нить при развитіи изложенія принималась исторія Франціи: на ея примѣрѣ прослѣживались всѣ великія міровыя явленія средневѣковаго періода. Нужно, впрочемъ, обратить вниманіе, что Франція именно была поприщемъ лучшаго расцвѣта всѣхъ типичныхъ явленій средневѣковья; это въ извѣстномъ смыслѣ оправдываетъ сосредоточеніе аналитическаго курса около ея исторіи, тѣмъ болѣе, что факты для сравнительныхъ наблюденій постоянно выбирались изъ прошлаго другихъ странъ.

Справедливымъ будетъ признать, что вторая половина исторіи среднихъ вѣковъ разработана была въ чтеніяхъ Василя Григоріевича въ общемъ слабѣе первой. Но и здѣсь слѣдуетъ указать цѣлый рядъ любопытныхъ, важныхъ и чрезвычайно интересныхъ главъ; такъ очень полный и обстоятельный анализъ феодализма и рыцарства или, далѣе, подробный обзоръ возникновенія, развитія и результатовъ городского движенія, оригинальный очеркъ средневѣковаго просвѣщенія, а также солидно составленные и своеобразно изложенные отдѣлы чисто повѣствовательнаго характера: судьбы франкскаго королевства въ періодъ Меровинговъ и Каролинговъ, начало и распространеніе монашества, дѣятельность Боифація и др. Эти части представляются мнѣ образцами „прагматическаго“ изображенія, подготовлявшаго матеріалъ для анализа и обобщеній. Два капитальныхъ явленія средневѣковой жизни — имперія и папство — не рассматривались Василю Григоріевичемъ систематически въ полнотѣ ихъ исторіи и развитія. Они вдвигались въ планъ общихъ курсовъ, собственно (какъ выходило по вѣщности), эпизодически. Но нѣсколько типичныхъ пунктовъ и характерныхъ моментовъ въ эволюціи того и другой освѣщались настолько глубоко и твердо, что давали ясное пониманіе сущности ихъ и вырабатывали въ слушателяхъ способность самостоятельно изу-

чать остальные эпохи по научнымъ сочиненіямъ. Укажу въ видѣ примѣровъ разборъ возникновенія папскаго величія при Григоріи I и его преемникахъ и первоначальнаго созданія папскаго государства въ VIII и IX вѣкахъ съ одной стороны; съ другой—превосходное разсмотрѣніе сущности монархій Карла Великаго и идеи Священной римской имперіи вообще. Наконецъ, два упоминаемыя явленія занимали видное мѣсто въ *последнемъ*, очень замѣчательномъ курсѣ Василя Григоріевича, открывавшемся параллельною характеристикой эллинизма и романизма, начиная съ дѣятельности ихъ родоначальниковъ—Александра Македонскаго и Юлія Цезаря,—и посвященномъ общему изученію всѣхъ крупныхъ фактовъ и теченій исторіи средне-вѣковаго запада, византійскаго и исламскаго востока.

Могучій остовъ, составлявшій непоколебимую основу высоко-та-лантливаго и твердо-авторитетнаго преподаванія Василя Григоріевича—его общіе курсы, окружался и усиливался еще въ своей влія-тельности среди органовъ научнаго образованія студентовъ-филологовъ, постоянно читавшимися рядомъ съ ними *спеціальными*. Посвященные также всегда существеннымъ вопросамъ исторіи человѣчества въ средніе вѣка и выростая на почвѣ, тщательно обработанной общими курсами, они давали слушателямъ, желавшимъ стать прямыми учениками Василя Григоріевича, образцовые примѣры научнаго изслѣдованія уже въ полнѣйшемъ смыслѣ слова. Большая часть такихъ спеціальныхъ чтеній отдавалась *византійской исторіи*; но не забывалась и запад-ная ¹⁾. Нужно положительно удивляться, откуда брались у часто болѣвшаго и обремененнаго громадною работой Василя Григоріевича силы, чтобы нести на себѣ долго съ безукоризненною честью и безъ всякой помощи такія сложныя профессорскія обязанности.

Какъ лучшія достоинства, проходившія черезъ всѣ чтенія Васи-ля Григоріевича, кромѣ уже выше отмѣченныхъ—спокойной простоты и естественной „gravitas“ тона, чуждаго элементарной рутины, общихъ

¹⁾ Смыслъ такихъ курсовъ можно отыскать въ ежегодныхъ „Обзорніяхъ пре-подаванія“ въ Петербургскомъ университетѣ. Они бывали довольно разнообразны. Василій Григоріевичъ читалъ обзоры исторіи Византіи по эпохамъ, напри-мѣръ, въ *Юстинианово царствованіе*, во *времена иконоборства*, въ *періодъ Ком-пиновъ*; занимался *византійскою исторіографіею* (отсюда выросла замѣчательная его книга—„Обзорніе трудовъ по византійской исторіи“, которой, къ сожалѣ-нію, вышелъ лишь первый выпускъ, въ 1890 г.); или объявлялъ курсы спеціально по исторіи *Англіи въ средніе вѣка*, по исторіи *Франціи при короляхъ изъ дома Валуа*, по исторіи *городовъ и городскихъ учреждений, крестовыхъ походовъ* и т. д.

мѣсть и напыщеннаго пафоса, необходимо выдвинуть слѣдующія выдающіяся черты. Лекціи его были замѣчательно богаты фактическимъ содержаніемъ, котораго дѣлало излишнимъ для слушателей принимать утвержденія профессора на вѣру. Онъ всегда избѣгалъ голословныхъ сужденій, предварительнаго провозглашенія отвѣченной формулы, а давалъ возможность выводить ее изъ сообщаемыхъ данныхъ. Онъ вручалъ слушателямъ и разбираалъ передъ ними источники, приводилъ и группировалъ великолѣпно подобранныя выписки изъ нихъ, которыя постепенно приближали ихъ къ старинѣ, научалъ ихъ чувствовать своеобразіе періода, къ изученію котораго обращалось ихъ вниманіе. Исходною точкою при освѣщеніи явленія, эпохъ постоянно служило недавно (или только что) вышедшее замѣчательное и важное сочиненіе, ориентировавшее въ новую сторону изслѣдованіе и изображеніе вопроса. При этомъ бросались ретроспективные взгляды въ прежнюю литературу; сообщалась студентамъ тщательно составленная въ интересахъ ихъ дальнѣйшихъ занятій „bibliographie choisie et raisonnée“ по вопросу, явленію, учрежденію, затронутому на лекціи. Василій Григоріевичъ не любилъ повтореній въ своихъ университетскихъ бесѣдахъ съ каедры. Трудно было бы представить себѣ его читающимъ изъ года въ годъ то же самое, какъ считаютъ полезнымъ иногда дѣлать нѣкоторые другіе профессора, даже напечатать собственныя прекрасныя руководства. Отдѣльные курсы его носили потому ярко индивидуальныя отпечатокъ. Такъ, когда въ началѣ 90-хъ годовъ вышли блестящіе послѣдніе томы (4-й, 5-й и 6-й) большого сочиненія *Фюстель-де-Куланжа*—„Histoire des institutions politiques de la France“, Василій Григоріевичъ, читая феодальный періодъ, построилъ курсъ въ видѣ любопытнаго, систематически разработаннаго комментарія его теоріи, выросшаго въ пересмотръ всей громадной проблемы о происхожденіи, сущности и значенія феодализма. Специальность задачи была лишь кажущаяся: она выражалась только въ оригинальной критической оболочкѣ широко обобщеннаго обзорѣнія. Все это придавало изложенію въ одно и то же время удивительную содержательность и свѣжесть, ученость и жизненность, привлекало къ борьбѣ съ трудностями, которыя дѣлались посильными, благодаря тому, что преподносились въ несомнѣнно колоритномъ изображеніи.

Василія Григоріевича нельзя было назвать хорошимъ лекторомъ въ обычномъ пониманіи слова. Въ началѣ даже требовалось довольно значительное усиліе, чтобы приучиться его слушать. Фраза у него

складывалась тяжело, иногда выходила по внѣшности неуклюжею, изложеніе отличалось неровностью; въ расположеніи частей лекціи не всегда замѣчалась строго выдержанной стройности: мысль заходила порою впередъ и въ стороны, возвращалась назадъ, иногда не достигалась необходимая для выпуклости впечатлѣнія сжатость. Профессоръ рѣдко поднимался во время чтенія до воодушевленія, рѣчь его обыкновенно не была оживленною. Самъ Василій Григоріевичъ вполне признавалъ свои „ораторскія несовершенства“; онъ даже добродушно посмѣивался надъ ними, но мало работалъ надъ ихъ исправленіемъ, шутивно утѣшая себя афоризмомъ, что „для филологовъ не требуется краснорѣчія“. Съ послѣднимъ, безъ сомнѣнія, нельзя согласиться; но трудно сожалѣть, что Василій Григоріевичъ не заботился объ отдѣлкѣ своего лекторскаго языка: онъ могъ бы достигнуть нѣкотораго второстепеннаго искусственнаго улучшенія, но уничтожилъ бы то достоинство натуральной непринужденности, въ которой, при всѣхъ недочетахъ стилистической фязіономіи его лекцій, открывалась своеобразная красота. Помимо выше обозначенныхъ выдающихся качествъ содержанія, въ самой рѣчи его, несмотря на ея шероховатость, ощущалось особое внутреннее изящество. Кому удавалось, или кто постарался прислушаться къ его изложенію, тотъ отлично чувствовалъ это. Говорю это по собственному опыту, который мнѣ посчастливилось провѣрить и подтвердить мнѣніемъ болѣе старшихъ, чѣмъ я, слушателей Василя Григоріевича (напримѣръ, уважаемаго ближайшаго сотрудника и преемника его по редакторству *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*), и болѣе молодыхъ, къ которымъ и мнѣ самому уже пришлось обращаться съ преподавательскимъ словомъ въ качествѣ помощника Василя Григоріевича въ Петербургскомъ университетѣ¹⁾). Тайна привлекательности такого дальнѣйшаго впечатлѣнія отъ чтеній Василя Григоріевича объясняется ярко и прекрасно отражающеюся въ нескладныхъ иногда и угловатыхъ словахъ глубиною и живостью самостоятельной мысли, блестящими въ нихъ умомъ и ученостью, широкою просвѣщенностью, тонкимъ вкусомъ, вытекающимъ изъ превосходнаго знакомства съ наукою и жизненнаго неослабѣвающаго интереса къ ней, наконецъ

¹⁾ См. въ одномъ изъ послѣднихъ майскихъ номеровъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* за нынѣшній годъ симпатичную теплую и искреннюю замѣтку въ память Василя Григоріевича одного изъ бывшихъ его слушателей послѣднихъ выпусковъ.

готовностью безхитростно и въ полной мѣрѣ дѣлиться съ желающими всѣмъ этимъ богатымъ духовнымъ имуществомъ. Если внутреннее излщество научнаго мировоззрѣнія и господствующаго душевнаго настроенія Василя Григоріевича не находило полной гармоніи въ его лекторскихъ свойствахъ, то оно очевидно для всѣхъ доказывается языкомъ его сочиненій и статей: его по праву можно назвать однимъ изъ лучшихъ нашихъ научныхъ писателей по опредѣленности и вмѣстѣ съ тѣмъ гибкости, подвижности, прозрачности и строгости стиля.

Разсматривая дѣятельность В. Г. Васильевскаго, какъ профессора, необходимо обратить вниманіе на то, что ему принадлежитъ честь постановки у насъ первыхъ серьезныхъ опытовъ *практическихъ занятій* по исторіи. Дѣло это находилось въ печальномъ пренебреженіи въ Петербургѣ еще въ началѣ 80-хъ годовъ, когда въ Москвѣ оно уже было твердо установлено профессорами *В. И. Герье*, *В. О. Ключевскимъ*, *П. Г. Виноградовымъ* и нѣкоторыми другими. Отдѣльные профессора Петербургскаго университета, правда, и тогда занимались у себя на дому съ немногими специалистами. Но ввести „принципъ семинарной работы“ въ лекціонное росписание настойчиво старались, сколько мнѣ помнится, только *И. В. Личъ* въ сферѣ филологіи и *В. Г. Васильевскій* въ кругу историческаго преподаванія. Такимъ образомъ его слѣдуетъ признать заложившимъ фундаментъ для *историческаго семинарія* на филологическомъ факультетѣ Петербургскаго университета. Онъ посвящалъ свои практическія занятія чтенію и интерпретаціи какого-нибудь памятника по византійской или западной исторіи, или предлагалъ студентамъ производить небольшія историко-критическія изслѣдованія по первоисточникамъ, задавался цѣлью систематически разобрать какое-нибудь капитальное ученое сочиненіе или историографическій вопросъ. Назначавшіяся работы всегда были серьезны и полезны для научнаго образованія участвующихъ, и усилія Василя Григоріевича въ данномъ пунктѣ также составляли важный элементъ его профессорскихъ заботъ. Если далеко не всегда успѣшно шли у него коллективныя занятія со студентами, то это происходило отъ того, что очень высоки и строги были его требованія; студенты рѣдко и немногочисленно отзывались на нихъ, а онъ не хотѣлъ ихъ понижать и мало былъ склоненъ къ „педагогическому принужденію“. Для повышенія уровня занятій студентовъ Василій Григоріевичъ постоянно предлагалъ также *темы на соисканіе медалей*. Дѣлалъ онъ это не потому, чтобы хотѣлъ возбуждать и питать научное честолюбіе начинающихъ мыслью о славѣ и наградѣ, но потому что

полагалъ, что публичность, такъ сказать, подобнаго рода работъ явится лишнимъ стимуломъ для глубокаго къ нимъ отношенія: ни не только двигалось просвѣщеніе самихъ пишущихъ, но развивалось научное направленіе дѣятельности факультета и его честь.

5.

Нельзя сказать, что Василій Григоріевичъ былъ лично близокъ со студентами, даже съ большинствомъ прямыхъ своихъ слушателей. Онъ не только сознательно не добивался никогда популярности, но и по природѣ избѣгалъ многочисленныхъ и шумныхъ отношеній, даже смущался „на людяхъ“ при встрѣчахъ съ большими группами, предпочиталъ болѣе тѣсное общеніе съ немногими единицами въ интимномъ кругу. Самыя лекціи его часто принимали характеръ домашняго научнаго разговора, обращеннаго къ хорошо знакомымъ людямъ, которыхъ онъ представлялъ себѣ основательно заинтересованными наукою, какъ и онъ самъ. Онъ съ трудомъ дѣлалъ первый шагъ для сближенія, не шелъ навстрѣчу къ слушателямъ, привлекая ихъ къ себѣ. Это принималось иногда за недоступность, и носило перѣшительность, порою даже холодъ въ аудиторіи, задерживало возникновеніе сношеній. Но происходило это не отъ пассивности отношенія, какъ таковаго, а объяснялось робостью инициативы въ общеніи съ людьми, составлявшею неблагоприятное свойство характера Василія Григоріевича. Конечно, часто такая складка суживала сферу прямого вліянія его, ограничивая послѣднее въ большинствѣ случаевъ тѣмъ, что получалось непосредственно на лекціи. Правда, мы видимъ, что и это уже было очень много; но надобно указать еще и другое: если студентъ, переселивъ естественное смущеніе юноши передъ авторитетнымъ профессоромъ, самъ обращался къ нему съ вопросомъ, искалъ помощи, совѣта, поддержки, Василій Григоріевичъ всегда отзывался внимательно и сочувственно на выраженную потребность. Когда же онъ замѣчалъ въ студентѣ дѣйствительное желаніе серьезно заниматься, выражающееся въ искреннихъ опытахъ научной работы, это его немедленно оживляло, и онъ охотно приближалъ къ себѣ такого слушателя—просто и дружески вступалъ въ разговоръ, спрашивалъ, совѣтовалъ, указывалъ и давалъ книги, звалъ къ себѣ, направлялъ неопытный трудъ, не жалѣя своего времени. Равнодушія къ студентамъ у него не было никогда, точно также, какъ не было поверхностности, подозрительности, несприятнаго

отношенія свысока. Василій Григоріевичъ ставилъ задачу студенчества высоко, ждалъ отъ нихъ многого, судилъ о ихъ недостаткахъ строго, но безъ педантизма и сухости, съ сочувственнымъ сожалѣніемъ, иногда съ мягкимъ, ничуть не оскорбительнымъ юморомъ, но всегда съ внутренне сильною, хотя сдержанно выражавшеюся любовью. Все это обыкновенно хорошо понималось послѣ того, какъ пережиты были колеблющія впечатлѣнія отъ первыхъ столкновеній съ профессоромъ¹⁾.

Василій Григоріевичъ чутко отзывался не только на научныя занятія своихъ слушателей, но и на другіе интересы студенческой жизни. Онъ, напримѣръ, старался прислушиваться къ волненіямъ, происходившимъ отъ времени до времени въ средѣ молодежи, и хотя часто не могъ прямо сочувствовать съ своей точки зрѣнія желаніямъ и способамъ дѣйствія юношества, но стремился разобраться въ причинахъ нестройной въ ихъ жизни, понималъ ихъ побужденія, гуманно относился къ ихъ увлеченіямъ, сердечно симпатизировалъ ихъ дѣйствительнымъ бѣдамъ. Пока факультеты и совѣтъ до 1884 года имѣли возможность руководить жизнью студенчества, Василій Григоріевичъ поддерживалъ своимъ словомъ систему идейнаго воздѣйствія на молодежь. Какъ это ни тяжело было ему при застѣнчивой замкнутости его характера, онъ съ другими профессорами не разъ ходилъ на сходки, выслушивалъ студентовъ и убѣждалъ ихъ. Онъ не обращался съ рѣчами къ толпѣ, но вступалъ въ бесѣду съ небольшими группами, стараясь привести ихъ къ согласію съ своимъ мнѣніемъ всегда—вѣрно или ошибочно, но искренно—направленнымъ къ ихъ благу. Василій Григоріевичъ глубоко и горячо любилъ университетъ. Въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни, нынѣшнею зимою и весною онъ горько печалился о событіяхъ, нарушившихъ правильное теченіе его жизни и какъ всегда искалъ умомъ средства для разрѣшенія тяжелаго кризиса, вдумывался въ интересы растущихъ поколѣній и въ причины, затрудняющія ихъ нормальное развитіе. Эти тягостныя мысли и впечатлѣнія сильно смущали его передъ отправленіемъ въ послѣднее путешествіе.

Особенно отчетливо и полно познавались многочисленныя досто-

¹⁾ Часто у студентовъ отношенія къ профессорамъ ограничиваются слушаніемъ лекцій (да и то не очень послѣдовательнымъ) и держаніемъ экзаменовъ. Я уже говорилъ, какъ смотрѣли филологи на лекціи Василія Григоріевича. Его и какъ экзаменатора считали гуманнымъ и справедливымъ, хотя онъ былъ очень требователенъ. Такая репутація дается не всякому.

инства ученой и индивидуальной природы Василя Григоріевича тѣмъ, кто становился его специалистомъ. Это было хорошо извѣстно между нами, и стать хоть не надолго въ ряду послѣднихъ стремились не только тѣ, кто избиралъ ученыхя занятія средневѣковою или византійскою исторіею своимъ призваніемъ, но и другіе всеобщіе историки, а также русскіе, затѣмъ словесники, особенно слависты, романо-германисты, даже иногда классическіе филологи. Если прочитать въ годичныхъ отчетахъ университета послѣдовательный рядъ рецензій Василя Григоріевича на представлявшіяся его учениками медальныя диссертациа, то уже изъ нихъ можно убѣдиться, съ какииъ вниманіемъ преданнаго ихъ успѣхамъ учителя онъ относился къ первымъ ихъ трудамъ. Для всѣхъ насъ останутся памятными вечера, которые мы у него проводили за научными собесѣдованіями. Особенно дорого вспоминаются мнѣ уже отодвигающіеся вдаль годы моей молодости, когда Василій Григоріевичъ жилъ еще на Петербургской сторонѣ или потомъ въ отдаленной линіи Васильевскаго Острова у Малаго проспекта; я проводилъ тогда одинъ или съ нѣсколькими товарищами немало часовъ зимою, сидя рядомъ съ нимъ у камина, около котораго онъ согрѣвалъ свои давно страдавшія отъ ревматизма ноги, или весною, прогуливаясь по саду, прилегавшему къ дому, въ которомъ онъ обиталъ. Помимо большаго удовольствія, которое доставлялъ разнообразный откровенный разговоръ, и интересныхъ свѣдѣній, которыя изъ него почерпались, можно сказать, что здѣсь à la longue съ теченіемъ мѣсяцевъ и лѣтъ, на которые протягивалось такое общеніе, проходилъя цѣлый курсъ теоріи и практики научнаго изслѣдованія въ видѣ непринужденныхъ экскурсовъ въ различныя области историческаго знанія. Здѣсь слагалась сама собою оригинальная „*école des hautes études*“, духъ и форма которой вполне соответствовали настроенію и характеру самого руководителя. И тутъ, впрочемъ, Василій Григоріевичъ не всегда легко раскрывалъ себя. Чтобы расположить его къ сообщительности, требовалось со стороны самихъ учениковъ усиліе, порывъ довѣрчивости, симпатіи, оживленія, обнаруженной любознательности. Но разъ это удавалось, обильный источникъ духовнаго просвѣщенія удовлетворялъ самымъ разнообразнымъ умственнымъ потребностямъ. Недавно, уже послѣ смерти Василя Григоріевича одинъ изъ видныхъ нашихъ профессоровъ исторіи—Г. В. Форстенъ—съ глубокимъ чувствомъ благодарнаго воспоминанія говорилъ мнѣ о томъ замѣчательномъ состояніи научнаго энтузіазма и дѣятельной энергіи, въ которомъ онъ возвращался домой

послѣ вечеровъ, проведенныхъ у Василя Григоріевича. Оно устанавливалось прочно, всегда возрождалось и служило важнымъ орудіемъ ученой работы. Уважаемый Георгій Василювичъ, я увѣренъ, простить меня, что я позволилъ себѣ сослаться на его слова, въ которыхъ видѣлъ подтвержденіе своего собственнаго много разъ провѣреннаго опыта.

Менѣ знакома мнѣ въ подробностяхъ дѣятельность Василя Григоріевича, какъ члена факультета и совѣта. Многіе тутъ обвиняли его въ недостаточной устойчивости при проведеніи и защитѣ интересовъ свободнаго развитія науки и ея преподаванія, въ чрезмѣрной уступчивости вѣяніямъ, шедшимъ противъ этихъ интересовъ. Можетъ быть, косвенное основаніе для этого давалъ самъ Василій Григоріевичъ. Я указывалъ выше, что онъ не былъ человѣкомъ трибуны и большой аудиторіи. Онъ также чувствовалъ себя неловко во всякой коллективной организаціи кромѣ только ограниченной группы учениковъ и слушателей. Даже послѣдніе иногда смущали его. Онъ былъ вполнѣ самъ собою только за рабочимъ столомъ и въ сферѣ тѣснаго индивидуальнаго вліянія. Тѣмъ менѣ ощущалъ онъ себя на своемъ мѣстѣ тамъ, гдѣ надо было рѣзко сталкиваться съ другими, вступать въ конфликтъ съ товарищами и сотрудниками. Въ немъ не было истиннаго чувства борьбы, которая бываетъ иногда неизбежна во всякой общественной дѣятельности. Онъ чувствовалъ себя стѣсненнымъ, иногда слабымъ передъ упорствомъ противника или непреодолимостью препятствія. Но такое положеніе объясняется не отсутствіемъ у него опредѣленныхъ взглядовъ или пренебреженіемъ ихъ отстаиванія, а общею его болѣзненностью и недостаткомъ вѣры въ свою способность достигнуть побѣды.—Во всякомъ случаѣ въ важные моменты университетской жизни онъ становился въ факультетскихъ дѣлахъ на сторону тѣхъ, которые, какъ онъ понималъ, хотѣли служить истинной пользѣ науки и студенчества, и старался дѣлать, что могъ по своему темпераменту, для содѣйствія имъ. Въ началѣ 80-хъ годовъ, когда рѣшались капитальные вопросы будущей жизни университетовъ, мнѣ приходилось много говорить съ нимъ объ этихъ вопросахъ. И я могу сказать по совѣсти, что рѣдко слышалъ я отъ него мнѣніе, которое шло бы въ разрѣзъ съ защитою внутренняго блага университетовъ, подвергавшагося испытанію. Тѣ, которые утверждали, что Василій Григоріевичъ недостаточно пользовался своимъ авторитетомъ для огражденія добрыхъ сторонъ университетской старины, преувеличи-

вали силу этого авторитета и потому невѣрно освѣщали нѣкоторыя его дѣйствія точно такъ же, какъ они несправедливо толковали, бывало, причину его разногласія съ ними. Василій Григоріевичъ могъ иногда быть чрезчуръ снисходительнымъ къ слабостямъ другихъ; но чистымъ и вѣрнымъ себѣ онъ оставался всегда.

Василій Григоріевичъ вообще широко относился къ дѣлу высшаго образованія. Это очень хорошо видно, напримѣръ, изъ его участія въ работѣ для *женскихъ курсовъ*. Съ самаго года основанія ихъ онъ читалъ тамъ среднюю истерію, а послѣ смерти В. В. Бауэра нѣкоторое время и новую, затѣмъ исполнялъ обязанности завѣдующаго историко-словеснымъ отдѣленіемъ. Онъ покинулъ курсы только послѣ ихъ преобразованія въ 1889 г., но и въ слѣдующіе годы высказывалъ сочувствіе молодому учрежденію. Онъ ставилъ свои чтенія тамъ такъ же добросовѣстно и такъ же научно, какъ въ университетѣ, и былъ отлично оцѣненъ лучшими изъ слушательницъ, которыя научились работать подъ его руководствомъ. Онъ, можно сказать, и вообще пользовался популярностью на курсахъ, несмотря на то, что не обладалъ свойствами и чуждался пріемовъ, производящихъ эффектъ, который въ учебныхъ заведеніяхъ съ неустановившимися традиціями иногда легче всего обусловливаетъ успѣхъ. Это лишній разъ показываетъ, что молодость умѣетъ иногда угадывать своихъ научныхъ друзей, если обстоятельства помогаютъ имъ извѣстное время спокойно воспользоваться ихъ руководствомъ.—Какъ членъ ученаго комитета при министерствѣ народнаго просвѣщенія Василій Григоріевичъ старался распространить свое вліяніе на исправленіе системы преподаванія въ *средней школѣ* и на улучшеніе педагогической литературы по исторіи.

Какъ человѣка, Васи́лія Григоріевича по настоящему знали немногіе. Онъ мало обнаруживался передъ тѣми, кто стоялъ въ сторонѣ. Происходило это не въ силу преднамѣренной скрытности, а вслѣдствіе независимой даже отъ его воли природной деликатной сдержанности. Чтобы узнать глубокую суть его личности, надо было долго работать съ нимъ и полюбить его, несмотря на извѣстныя стороны его характера, затрудняющія сближеніе. Тогда онъ, проникаясь самъ уваженіемъ къ другому, радуясь совмѣстнымъ занятіямъ, а также ощущая его симпатію къ себѣ, какъ бы забывалъ свою замкнутость и раскрывалъ задушевный внутренній міръ. Но даже и близкому несомнѣнно легко вѣрно и полно представить его интимную характеристику. Я уже

говорилъ, что натура Василя Григоріевича не достигла въ своемъ развитіи гармонической цѣльности: это былъ замѣчательно богатый матеріалъ, который не сросся въ стройное единство и не пришелъ въ полное равновѣсіе, такъ чтобы единичныя свойства постоянно и дружно дополняли другъ друга, находясь въ прочномъ кристаллическомъ соотвѣтствіи одно съ другимъ. Крупно выдающіеся элементы его ума и характера не слились въ одинъ громко и стройно поющій аккордъ, а звучали часто отдѣльно, причемъ другія молчали: не было диссонанса, но впечатлѣнія получались неполныя. Когда вспоминалось о немъ одно, другое могло изгладиться и отсюда вытекало ложное ощущеніе кажущагося, на дѣлѣ не существовавшаго, противорѣчія. Физическая слабость организма Василя Григоріевича (онъ рано началъ хворать) и нелегія условія трудовой и личной жизни были причиною образованія именно такого склада его личности, отъ недостатковъ котораго, впрочемъ, страдалъ онъ самъ несравненно чаще, чѣмъ люди, съ которыми онъ соприкасался, и дѣла, въ которыхъ онъ участвовалъ. Жизненные удары или, по крайней мѣрѣ, толчки выработали въ немъ склонность реагировать на нихъ не вызывающимъ протестомъ дѣятеля, а критическимъ раздумьемъ мыслителя. Такія личности, глубокія и разностороннія, но сильно въ себѣ сосредоточенныя, обыкновенно плохо понимаются, и съ нихъ трудно сплести духовный портретъ. Многого ускользаетъ, когда задаешься цѣлью писать ихъ характеристику. И въ данномъ случаѣ мнѣ надо было бы тщательно воспроизвести многое, сейчасъ изгладившееся изъ памяти, воспользоваться указаніями старыхъ друзей Василя Григоріевича, провѣрить свои сужденія впечатлѣніями моихъ сверстниковъ и другихъ, младшихъ учениковъ его, собрать и перечитать различныя его письма, перелистать даже его сочиненія. Теперь я не имѣю возможности этого сдѣлать и потому долженъ ограничиться нѣсколькими чертами, чтобы возстановить хоть приблизительный силуэтъ Василя Григоріевича, какъ человѣка.

Общій фонъ его духовному образу давало рѣдкое между членами нашего общества, даже въ частности между учеными, *образованіе* и сдѣлавшаяся его „второю природою“ *идейность*.—Историческія свѣдѣнія его, мы уже видѣли, были громадны, захватывая всѣ отдѣлы и области исторіи, и они постоянно расширялись и умножались неослабѣвающимъ трудолюбіемъ и умственной жаждою. Интересы его простирались далеко во всѣ стороны за предѣлы исторической науки. Онъ массу зналъ и постоянно много читалъ помимо тѣхъ книгъ, ко-

торья необходимы были ему для дополненія и освѣженія курсовъ и для обработки специальныхъ трудовъ,—не только все замѣчательное, что выходило вновь на широкомъ полѣ исторіи, но и въ средѣ философіи (отчасти богословія), права, литературы... Часто можно было застать его, особенно лѣтомъ въ деревнѣ, среди непрехотливой нашей сѣверной природы, которую онъ тихо и созерцательно любилъ, въ уединеніи и на покоѣ, за классическимъ сочиненіемъ древняго или новаго философа, гениальнаго поэта, великаго историка. Такая обстановка и такое занятіе было лучшимъ отдыхомъ для Василя Григоріевича. Подобное постоянное исканіе духовной пищи создало въ немъ положительно огромный умственный капиталъ. Ощущеніе его притягивало, скажу даже, очаровывало въ бесѣдахъ съ нимъ, когда онъ бывалъ откровененъ и въ духѣ.—Менѣе увлекался Василій Григоріевичъ текущею политикою, хотя слѣдилъ и за нею и при извѣстномъ настроеніи любилъ говорить и о ней, высказывая нерѣдко хорошее пониманіе событій и интересныя замѣчанія по отдѣльнымъ вопросамъ современности. Такая разнообразная полнота внутренняго міра, несомнѣнно, должна была украшать его жизнь прекраснымъ и возвышеннымъ содержаніемъ. Оно сказывалось всегда въ его бесѣдѣ. Онъ былъ чуждъ ригоризма—любилъ пошутить, въ немъ было много остроумія и юмора. Но въ разговорѣ онъ предпочиталъ развивать *вопросъ*, чѣмъ судить о *людяхъ*. Когда онъ говорилъ о послѣднихъ, слова его никогда не обращались въ злословіе, къ которому онъ не былъ склоненъ, а воплощались въ характеристику съ теоретическою принципиальною подкладкою. Нужно замѣтить, что Василій Григоріевичъ, когда воодушевлялся, былъ очень хорошимъ разказчикомъ. Онъ много видѣлъ, превосходно хранилъ въ памяти пережитое; такой жизненный опытъ, перерабатываемый высоко-культуривированнымъ умомъ, давалъ въ результатѣ рѣчь, яркую красками и изобилующую оттѣнками, въ которой было много своеобразной прелести. Его можно было заслушаться до поздняго вечера. Что еще замѣчательно: онъ никогда не дѣлалъ себя центромъ своихъ разказовъ. Затрагивая факты изъ своей жизни, онъ описывалъ то интересное, что съ ними соприкасалось. Онъ не любилъ подчеркивать передъ другими свои успѣхи такъ же, какъ жаловаться на жизненныя невзгоды: скромно несъ онъ свои большія дарованія и съ мужествомъ переносилъ не всегда благополучную судьбу.—Такой серьезный идейный настрой не покидалъ Василя Григоріевича до конца.

Василій Григоріевичъ отличался гуманною мягкостью сердца и

отзывчивою добротою. Иногда эта мягкость со стороны принималась за индифферентизмъ. Но это было безусловно невѣрно. Онъ не умѣлъ, правда, иногда противостоять съ достаточною энергіей пазойливости и карьеризму другихъ, иногда былъ слишкомъ довѣрчивъ и не замѣчалъ, когда ему льстили, чтобы воспользоваться имъ. Поэтому случалось, что онъ оказывалъ помощь людямъ, которые ея не стоили. Неспособный къ ненависти, онъ, бывало, прощалъ, что не заслуживало пощадъ, не рѣшался разстаться съ тѣми, кто имѣлъ съ нимъ мало общаго, и кто шелъ совсѣмъ не къ тому, куда онъ хотѣлъ бы вести или сопровождать. Но самъ онъ постоянно повиновался своей честной природѣ, уважалъ и любилъ только тѣхъ, кто совпадалъ съ нимъ въ стремленіи освѣщать жизнь трудомъ и идеализмомъ. — Въ Василии Григоріевичѣ медленно развивались, но глубоко упрочивались симпатіи. Иногда научные труды, многочисленныя дѣла, семейныя заботы, мучительные недуги (независимо отъ его воли) временно надрывали нѣкоторыя его отношенія; но въ общемъ онъ былъ ровень и вѣренъ друзьямъ и ученикамъ.

Мнѣ кажется, что у Василия Григоріевича было мало честолюбія. Если даже онъ не былъ вполне чуждъ его, то оно носило исключительно научный характеръ. Онъ чувствовалъ радость при воздаяніи ему за заслуги, къ которымъ онъ самъ былъ строже всѣхъ. Но для полученія такого удовлетворенія онъ никогда не шелъ на искательство, безъ тщеславія, но независимо охраняя свое достоинство передъ тѣми, кто властенъ былъ награждать. Въ товарищескихъ отношеніяхъ онъ далекъ былъ отъ малѣйшихъ признаковъ зависти къ ихъ успѣхамъ; напротивъ и тутъ всегда стремился поддержать и помочь. Въ столкновеніяхъ съ людьми онъ въ общемъ правилъ былъ рѣдко терпимъ къ противоположнымъ взглядамъ и удивительно терпѣливъ къ шероховатостямъ чужаго характера. Я отлично помню свои горячіе споры съ Василиемъ Григоріевичемъ по вопросамъ политики, педагогики и нравственности, и всегда уваженіе къ мнѣнію младшаго, сохраненіе довѣрія даже при, очевидно, коренномъ разногласіи поражали въ немъ и ободряли меня. Если въ молодомъ ученикѣ, къ которому былъ привязанъ и котораго считалъ дѣльнымъ и даровитымъ, онъ встрѣчалъ иногда чужачество, объясняемое юношескимъ самолюбіемъ, онъ умѣлъ иной разъ даже не безъ непріятности для себя игнорировать такія скучныя свойства, смягчая ихъ снисходительною добротою и вниманіемъ къ существенному. — Василий Григоріевичъ обращался къ людямъ, подходившимъ къ нему, съ естественною благожелатель-

ностью. Онъ умѣлъ быть ласковымъ и привѣтливымъ безъ аффектаціи съ простыми рабочими людьми, съ которыми онъ сталкивался, и съ которыми завязало, вѣроятно, въ немъ извѣстную внутреннюю близость, если не происхожденіе, то дѣтство проведенное въ деревнѣ, и школьные семинарскіе годы, раздѣленные съ сыновьями сельскихъ священниковъ и дьячковъ.— Скажу еще, что общій фонъ нравственнаго поведенія Василя Григоріевича окрашивался господствующею искренностью и прямою, и мнѣ всегда было непонятно, когда приходилось слышать, что нѣкоторые называли его дипломатомъ и практикомъ. Онъ, конечно, дѣлалъ промахи, какъ и всѣ; но какъ немногіе легко признавалъ свои ошибки, всегда скорбѣлъ о нихъ и добросовѣстно старался, когда могъ, исправлять ихъ послѣдствія. Прямота эта чаще всего была причиною того, что иногда портились къ нему отношенія окружающихъ. Если у него не было, собственно, враговъ, такъ какъ трудно было не уважать его (у него было слишкомъ много достоинствъ и слишкомъ охотно признавалъ онъ свои слабости, извиняя недостатки другихъ), то многіе постоянно чувствовали и высказывали противъ него неудовольствіе; число друзей его было ограничено, и оно медленно увеличивалось.

Относительно общаго міровоззрѣнія Василя Григоріевича, религіознаго и общественнаго, теперь на разстояніи слишкомъ еще близкомъ отъ его кончины, рѣшаюсь сдѣлать лишь нѣсколько намековъ о томъ, какъ мнѣ представлялась эта глубокая сущность его души. Самъ онъ систематически не высказывался о такихъ основныхъ проблемахъ бытія ни въ печати, ни въ бесѣдахъ, и можно только угадывать главное.

Хотя Василя Григоріевичъ былъ чуждъ вѣроисповѣдной исключительности и формализма вѣшняго благочестія, въ немъ было много глубоко-религіозныхъ элементовъ въ нравственной природѣ и умственномъ настроеніи. Онъ вѣрилъ въ высшій смыслъ существованія и въ направленіе міровой жизни верховнымъ началомъ къ разумной цѣли. Онъ строилъ равновѣсіе своей духовной жизни на идеѣ эволюціи міра къ совершенству, рисовалъ себѣ, стало быть, и человѣчество идущимъ къ прогрессу. Въ этомъ смыслѣ онъ можетъ быть названъ философскимъ оптимистомъ, хотя такой оптимизмъ носилъ въ немъ, какъ въ глубокомъ историкѣ, болѣе критическій характеръ, чѣмъ у историковъ старой школы, напримѣръ, у Гизо. Въ немъ чувствовался поэтому всегда живой интересъ къ философіи, хотя, повторяю, онъ мало говорилъ о подобныхъ вопросахъ, теоретическихъ по существу,

но тѣмъ не менѣ тѣснѣйшимъ образомъ связанныхъ съ внутреннею святынею человѣческой индивидуальности.

Въ отношеніи общественныхъ идеаловъ и симпатій нѣкоторые считали Василю Григоріевича славянофиломъ. Но врядь ли это было вѣрно. Съ одной стороны широта его взглядовъ, съ другой созерцательность его настроенія ставили его выше рамокъ опредѣленной группы. Кромѣ нѣкоторыхъ личныхъ отношеній съ славянофилами его сближала горячая любовь къ родинѣ и твердая вѣра въ великія судьбы русскаго народа. Но это слишкомъ общіе признаки и онъ слишкомъ тѣсно примыкалъ къ западной наукѣ, мысленно живя въ самомъ центрѣ ея работы, чтобы раздѣлять односторонности и крайности этого чисто русскаго ученія. Къ Василю Григоріевичу неудобно также было бы примѣнить обычные термины — „консерваторъ“, или „либераль“. Во первыхъ, онъ дѣйствительно мало участвовалъ лично въ общественной дѣятельности въ чисто техническомъ значеніи слова. Во-вторыхъ, онъ обладалъ въ высшей степени тѣмъ, что рѣдко проявляется, на примѣръ, у насъ въ консерваторахъ — замѣчательною гуманною терпимостью, выражающеюся не въ равнодушіи индифферентиста, а въ критическомъ пониманіи и уваженіи чужаго искреннаго мнѣнія, какія должны быть свойственны широко и свободно мыслящему уму. Онъ придавалъ большое значеніе *государственности* въ развитіи народной жизни и благосостоянія, но признавалъ необходимымъ, чтобы руководящими дѣятелями во внѣшней и внутренней политикѣ были всегда *высоко-просвѣщенными людьми*. Последнее вызывало въ немъ особенную симпатію къ Ренану, котораго онъ и вообще любилъ за его яркій научно-художественный талантъ. Онъ съ удовольствіемъ отводилъ душу за чтеніемъ его книгъ, хоть и не сходился съ этимъ писателемъ во многихъ частностяхъ его воззрѣній. Помню, какъ вскорѣ послѣ смерти Ренана я принесъ Василю Григоріевичу прочесть попавшуюся мнѣ тогда въ одной изъ кавказскихъ газетъ прелестную замѣтку о знаменитомъ историкѣ христіанства, авторомъ которой былъ бывший его ученикъ г. Цвѣтницкій, и озаглавленную — „*Скептикъ-идеалистъ*“. Она очень понравилась Василю Григоріевичу, и разбирая ее, онъ много и сочувственно говорилъ о Ренанѣ. Я думаю, что онъ чутьемъ ощутилъ въ этой формулѣ сродство съ своимъ умственнымъ темпераментомъ. Онъ тоже былъ своего рода скептикомъ-идеалистомъ (*mutatis mutandis*). Онъ опасался слишкомъ широкихъ построеній, смѣло разсчитывающихъ на быстрое и бурное достиженіе лучшаго будущаго, но глубоко вѣрилъ въ торжество прогрессивныхъ началъ, проводи-

ныхъ всегда побѣдоносною мыслию и нелегко побѣждаемымъ упорнымъ трудомъ во имя правды и справедливости.

Василій Григоріевичъ никогда не мнилъ себя выдающимся общественнымъ дѣятелемъ; но онъ не утѣшалъ себя въ подобномъ сознаніи тѣмъ, что у насъ все хорошо, и остается только неподвижно охранять существующее. Онъ видѣлъ напротивъ, какъ много дѣла вездѣ, на всѣхъ поприщахъ. Онъ хорошо понималъ, что *сила мысли*—главное условіе прочнаго движенія къ совершенству человѣческой личности и общественныхъ порядковъ. Ему было ясно, что общество, въ которомъ мало уважають лучшей органъ дѣятельности мысли—*науку* и плохо пользуются ею, лишено великаго и необходимаго орудія прогресса. Вѣрно оцѣнивая свой душевный складъ, онъ оставался главнымъ образомъ наблюдателемъ жизни, но выбралъ себѣ призваніе *активной работницы науки и проводника научнаго духа* въ молодыхъ поколѣніяхъ при посредствѣ университетской кафедры и историческаго семинарія. Вотъ почему назвалъ я Василю Григоріевича *учителемъ науки*. Онъ былъ *хорошимъ* учителемъ ея, и прибавимъ, что въ профессорѣ, который любитъ науку и жизнь, какъ Василій Григоріевичъ, учить наукъ—это вѣрнѣйшій способъ готовить къ пониманію жизни и сознательной полезной дѣятельности въ ней. Наукою развивается истинная потребность познанія, которая потомъ пытается не одною книгою, прививается способность безпристрастнаго и глубокаго изученія окружающаго міра природы и общества; такъ укрѣпляется критическая сила, исканіе и построеніе идеаловъ и растетъ одушевленіе ими. Наша родина очень нуждается въ такихъ дѣятеляхъ, и она должна быть благодарна имъ, въ какихъ бы разнообразныхъ индивидуальныхъ сочетаніяхъ ни воплощалось такое служеніе обществу черезъ посредство науки и мысли, если оно искреннее, умное, талантливое и твердое...

Для меня будетъ большою радостью, если на предшествующихъ страницахъ, написанныхъ слишкомъ снѣжно, чтобы онѣ могли выражать въ полной силѣ и настоящей гармоніи заключающуюся въ нихъ мысль, и слишкомъ беспокойно, чтобы охватить задачу въ цѣломъ,—мнѣ удалось сказать, по крайней мѣрѣ, часть правды о личности и профессорской дѣятельности покойнаго дорогаго учителя. Я буду удовлетворенъ, если въ знавшихъ Василю Григоріевича вызову близкій имъ образъ и дамъ поводъ лишній разъ сосредоточенно подумать о немъ и крѣпче запомнить его, а въ мало съ нимъ знакомыхъ и иначе судившихъ о немъ возбужу довѣріе къ моей оцѣнкѣ,

во всякомъ случаѣ правдивой,—надѣюсь, и правильной. Это будетъ первая слабая дань сильной благодарности въ честь того, которому я очень многимъ обязанъ въ своемъ научномъ и идейномъ развитіи. Это будетъ единственное „похвальное слово“, какое я могу и хочу сказать въ память крупнаго научнаго и педагогическаго дѣятеля.

Василій Григоріевичъ, хотя угасъ, достигнувъ начала старости, но все-же слишкомъ рано, чтобъ можно было сказать: онъ свершилъ все, что могъ, на земномъ поприщѣ по даннымъ ему большимъ силамъ. Умеръ онъ, безъ нужды быстро-скошенный трудностями жизни и малою заботою о себѣ. Первыхъ онъ не могъ избѣжать, вторая не развилась въ немъ именно въ силу его трудового идеализма, обилія духовныхъ интересовъ и не покидавшаго его чувства долга. Я уже говорилъ вначалѣ, что онъ остался вѣренъ себѣ до конца. Слабѣющая мысль до послѣдняго часа отдавалась наукѣ, неумирающая симпатія—тѣмъ, кого онъ въ ней наставлялъ. За пять дней до смерти (8-го мая 1899 г.) онъ писалъ профессору В. И. Ламанскому, съ которымъ вмѣстѣ дружески прошелъ долгіе, иногда хорошіе, чаще трудные годы университетской работы, строки, въ которыхъ ярко отражается стойкость такого настроенія. Сказавъ нѣсколько словъ о положеніи болѣзни, изъ которыхъ ясно, какъ ему было плохо, Василій Григоріевичъ продолжаетъ: „Что со мною дѣлается, не знаю, но мой докторъ не унываетъ, я же продолжаю ему довѣрять. Бываютъ мучительныя ночи, но въ 6 часовъ открываются ставни: свѣжій, но не холодный воздухъ, много свѣту, а затѣмъ и солнце ощущаю и вижу изъ моей постели, и сердце радуется, хотя бы на короткій срокъ...“ Нѣже онъ еще прибавляетъ: „Послѣ завтрака... начинаются легкія занятія, прерываемыя то припадками удушья, то дремотою. Теперь я сталъ прикасаться къ Данту и почитать Савонаролу Виллари... Соображаю разныя комбинаціи о рукописяхъ... Чувствую, что еще хранятся гдѣ-то силы для работы. Дай Богъ, чтобы я продержался подлѣ васъ еще нѣсколько лѣтъ и завершилъ кое-что изъ начатаго“¹⁾, Мысль объ ученикахъ также не покидала его. Онъ собирался, какъ видно изъ того же письма, ходатайствовать о командировкѣ въ Италію одного изъ самыхъ юныхъ его питомцевъ, еще студента, только что

1) Приношу глубокоуважаемому Владиміру Ивановичу искреннюю признательность за разрѣшеніе воспользоваться этимъ письмомъ, цѣннымъ для представленія живаго до послѣднихъ минутъ умственнаго интереса и нравственной бодрости Василія Григоріевича.

углубившагося въ занятія Византією. Онъ хотѣлъ приобщить послѣдняго къ своимъ изслѣдованіямъ, на которыя рассчитывалъ, и тѣмъ доставить ему, нуждающемуся человѣку, заработокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дать ему возможность подъ своимъ руководствомъ „вступить въ область византійской рукописной литературы“. Уже почти обезсиленный приближающею смертію, онъ все-таки рукою, едва удерживавшею перо, писалъ другому старшему ученику, работающему надъ диссертациею, отвѣчая на его только что полученные научные запросы. Онъ и въ Италиі, когда ему стало совсѣмъ худо, мало думалъ о своей болѣзни. Во всякомъ случаѣ онъ гораздо больше досадовалъ на нее, чѣмъ боялся. Не выносилъ онъ мысли о специальной борьбѣ съ недугомъ. Онъ мечталъ не о путешествіи въ лѣчебный пунктъ, а о завершеніи своего паломничества въ Римъ, которое рисовалось ему необходимымъ актомъ его ученой жизни. Онъ умеръ почти у воротъ великаго города, не успѣвъ вступить на прославленную, такъ привлекавшую его почву. Эта картина какъ-то печально соотвѣтствуетъ недоконченному, насильственно прерванному дѣлу его жизни...

Но дѣло это не пропало даромъ и не могло пропасть, какъ вообще не пропадаетъ искренняя работа большого ума. Оно только ему мало доставило радости и успокоенія. Еще преждевременно говорить, что Василій Григоріевичъ положилъ начало особой *своей школой*. Будущее покажетъ это. Но можно и теперь утверждать, что нѣкоторые элементы для нея созданы имъ. Онъ бросилъ превосходное зерно для развитія византievѣдѣнія въ еще не очень хорошо вспаханное поле русской науки. Не его будетъ вина, если оно, взойдя, быстро засохнетъ. Думаю, однако, что его ученики, хоть и немногочисленные, не дадутъ ему погибнуть, что они постараются продолжать начатое учителемъ дѣло разработки малозслѣдованнаго историческаго періода. Между собратіями скончавшагося также есть ученые, способные раздѣлить между собою трудъ, который онъ несъ. Историки, сами же занимающіеся Византією, признаютъ теперь важность культивировать у насъ данную отрасль историческаго вѣдѣнія, и нѣкоторые изъ нихъ готовы поддержать своихъ учениковъ, которые обнаруживаютъ склонность сосредоточить на ея изслѣдованіи свои силы. Другіе ученики Василя Григоріевича работаютъ надъ всеобщею исторією; среди нихъ есть уже достигшіе докторской степени. Они, конечно, проникнуты полученнымъ отъ него въ наслѣдство серьезнымъ духомъ историко-критическаго изслѣдованія. Они будутъ стремиться развивать на университетской кафедрѣ профессорское направленіе Василя

Григоріевича, воспитывать, какъ и онъ, способныхъ и добросовѣстныхъ тружениковъ на пользу развитія русскаго научнаго просвѣщенія.

Замѣтное вліяніе Василя Григоріевича простиралось на немногихъ. Но можно думать съ увѣренностью, что изъ бывшихъ слушателей его не только тѣ, которые сами стали профессорами или учеными специалистами, чтуть его память и съ удовлетвореніемъ и благодарностью сознають себя въ извѣстномъ смыслѣ его духовными питомцами. Ихъ можно найти въ общей суммѣ немало среди учителей исторіи и вообще занимающихся педагогическимъ дѣломъ мужчинъ и женщинъ, разсѣянныхъ по лицу русской земли, среди мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей и просто среди лицъ, не понавшихъ на попріица жизни, обычныхъ для бывшихъ филологовъ, проходящихъ будничную карьеру государственной и частной службы. Во всѣхъ ихъ онъ заронилъ искру идейности, и всѣ съ грустью узнали о его кончинѣ, но съ радостью вспоминають о научномъ общеніи съ нимъ. Пишущій эти строки въ своихъ опытахъ научной работы, которые онъ къ горькому сожалѣнію только на нѣсколько мѣсяцевъ не успѣлъ довести до конца при жизни покойнаго, а также во многихъ приѣмахъ своего преподаванія признаетъ себя ученикомъ Василя Григоріевича. И онъ обращается въ концѣ настоящаго воспоминанія съ привѣтствіемъ ко всѣмъ, кого можетъ соединить вмѣстѣ искреннее и безкорыстное общее почитаніе лучшихъ сторонъ дѣятельности учителя въ благородномъ желаніи разрабатывать все хорошее, что было имъ внушено. Тогда поднимется въ свѣтѣ самостоятельныхъ идей, которыя внесетъ каждый, почерпая ихъ изъ новыхъ требованій жизни, уже взошедшій скромный ростокъ, изъ котораго можетъ вырасти большое дерево и дать здоровые плоды ¹⁾).

¹⁾ Вліяйшими ученикамъ Василя Григоріевича было бы дорого позаботиться о напечатаніи его университетскихъ курсовъ. Исполненіе этого дѣла однако сопряжено съ большими трудностями: существующія литографированныя изданія или неудовлетворительны, или устарѣлы. Выпустить ихъ безъ измѣненія, ограничиваясь лишь исправленіемъ ошибокъ и чисто внѣшнею редакціею, значило бы дать нѣчто несравненно худшее, чѣмъ онъ давалъ на своихъ чтеніяхъ и нарушить одинъ изъ главныхъ принциповъ профессора—держаться въ лекціяхъ на высотѣ послѣдняго слова науки. Если же начинать основательную переработку, то придется уклониться весьма сильно отъ авторскаго текста, то-есть, рисковать нарушить планъ и тонъ изложенія покойнаго и не воспроизвести именно его произведенія. Указанное заставляеть сомнѣваться въ возможности удачно построить такой дѣйствительно хорошей памятникъ университетской работѣ покойнаго Василя Григоріевича. Въ ожиданіи появленія омытовъ такого рода изданія я пред-

Когда я вспомнилъ, составляя настоящую замѣтку, направленіе научныхъ идей ушедшаго изъ жизни Василя Григорьевича, мнѣ невольно пришли на память нѣсколько отрывковъ изъ замѣчательнаго сочиненія „о будущемъ науки“ знаменитаго французскаго идеалиста. Онъ говоритъ здѣсь въ одномъ мѣстѣ: „Совершеннымъ былъ бы тотъ человѣкъ, кто одновременно являлся бы поэтомъ, философомъ, ученымъ, нравственнымъ человѣкомъ, притомъ не въ извѣстные промежутки и не въ различные моменты (это было бы посредственное совершенство!), но въ глубокомъ взаимопроникновеніи во все протяженіе жизни, который былъ бы поэтомъ въ то время, какъ онъ является философомъ, философомъ и вмѣстѣ ученымъ, словомъ въ которомъ всѣ элементы человѣчности слились бы въ высшей гармоніи“ (см. *E. Renan, L'avenir de la science*, p. 11). Такъ должно отразиться въ личности то, что составить идеальное совершенство и въ человѣчествѣ; и наиболѣе передовыя части человѣчества, какъ цѣлмыя, преобразуютъ въ своихъ лучшихъ чертахъ такой будущій высшій типъ человѣка ¹⁾. *Renan* видитъ, что современная человѣческая личность далека отъ такого совершенства. Но онъ думаетъ, что жажда истины, отыскиваемая всѣми путями познанія, то-есть, именно то, что мы называемъ „идейностью“, лучше всего приближаетъ человѣка къ такому состоянію, развивая въ немъ особенно сильно соотвѣтствующія мысли, чувства и склонности („*Savoir est le premier mot du symbole de la religion naturelle*“, *ibid.* p. 17). При такомъ высшемъ исканіи наука—лучшій свѣточъ для человѣка; потому-то *Renan* называетъ ее „первою потребностью человѣчества“ и вѣрить, что „она одна можетъ по истинѣ привести къ улучшенію положенія человѣка на землѣ“ (*ibid.* p. IX).—Съ такими мыслями соглашался Василю Григорьевичъ, потому что онѣ отвѣчали его интимному настроенію и вы-

лагаю болѣе скромную, но, думается, небезполезную форму выраженія благодарной памяти по Василю Григорьевичъ. Хорошо было бы, еслибы ученики, высоко и однородно оцѣнивающіе работу Василя Григорьевича, собрали въ отдѣльный томъ свои некрологи, воспоминанія, замѣтки, статьи, посвященные характеристикѣ его, какъ ученаго, профессора и человѣка, въ интересахъ укрѣпленія заложенной имъ научной традиціи. Такъ будетъ сохраненъ для слѣдующихъ поколѣній студентовъ духовный образъ крупнаго и замѣчательнаго ученаго и педагогическаго дѣятеля.

¹⁾ *Ibid.* p. 12: „Le modècle de la perfection nous est donné par l'humanité elle-même; la vie la plus parfaite est celle qui représente le mieux toute l'humanité. Or l'humanité cultivée n'est pas seulement morale; elle est savante, curieuse, poétique, raisonnée“.

ражали симпатичный ему идеалъ. Онъ не мечталъ самъ никогда о такомъ совершенствѣ. Не требуется и людямъ, понимавшимъ и цѣнившимъ его, считать его таковымъ, чтобы сохранить о немъ благодарное воспоминаніе и проститься съ нимъ словами мыслителя, котораго онъ любилъ, сочувствуя его призыву развивать идеальность въ людяхъ при помощи науки и работая незамѣтно въ своей сферѣ въ такомъ направленіи по мѣрѣ силъ.

Ив. Гревсъ.